

ДЕТЕКТИВ - СОБЫТИЕ

Диана Бош

ПРОЩАНИЕ
С ПЕРВОЙ КРАСАВИЦЕЙ

Диана Борисовна Бош

Прощание с первой красавицей

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=332712
Прощание с первой красавицей: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-43157-1

Аннотация

Диане пришлось пережить страдания и смерть любимых людей. Казалось, ее жизнь наконец наладилась в счастливом браке, но на пути Дианы вновь возникла эта женщина – ее персональный злой гений...

Вика такая яркая и талантливая! Во всем – и в работе, и в борьбе за лучших мужчин. Она не терпит конкуренции и готова ради достижения цели на многое...

Сопровождая жену на корпоративную вечеринку, адвокат Даниил Соколов настраивался на беззаботный праздник, но он закончился гибелью одного из ее коллег. Чтобы уберечь Диану от опасного расследования, которое она затеяла, он взялся за него сам...

Все мы мечтаем об осуществлении тайных желаний. Но когда наконец добиваешься своего, часто оказывается, что остаешься наедине со своей победой...

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	73
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Диана Бош

Прощание с первой красавицей

*Моему любимому мужу и другу Сергею
посвящается эта книга.*

*Все события, происходящие в романе,
вымышлены, а любое сходство с реально
существующими людьми – случайно.*

Маленький Артемка в нетерпении ждал завтрашнего дня. Мама обещала позвать его друзей, купить большой торт и подарить велосипед. Завтра у него день рождения – ему исполнится целых шесть лет! И еще от бабушки с дедушкой Артемка надеялся получить ролики, не зря же он просил об этом весь год. А папа должен сегодня приехать из командировки, и, конечно же (Артемка даже не сомневался в этом), он привезет что-нибудь совершенно необыкновенное.

Сначала Артемка все время выскакивал на балкон, откуда хорошо была видна дорога. Потом, чтобы как-то развлечься, начал кружиться на одной ножке, стараясь каждый раз остановиться точно напротив перил, и наконец, устав, оперся подбородком о пахнущее краской дерево и замер в ожидании.

Он загадал: если ему удастся заметить момент, когда папина машина въедет во двор, то на эти выходные отец непременно возьмет его с собой на рыбалку. Но время тянулось невыносимо медленно, отец все не ехал и не ехал. И Артемка скучал, вертя головой по сторонам.

Вдруг на балконе внизу кто-то появился. Мальчик, свесив голову, с интересом стал рассматривать бритый затылок незнакомца и яркую рубашу. Сначала мужчина постоял, на свистывая незамысловатый мотив, потом достал пачку сигарет и, красивым жестом откинув крышечку блестящей металлической зажигалки, прикурил.

Артемка замер в восхищении. Вот если бы у него была такая, все ребята во дворе просто обзавидовались бы! Но ни мама, ни папа ни за что ему такую не купят. Можно было бы, конечно, попросить бабушку, она всегда делает то, что хочет Артемка, но ей не очень нравится, когда мальчишки играют с огнем.

«А что, если спуститься и постучаться к тете Вике? Тогда можно попросить у дяди зажигалку и даже, пока бабушка не видит, попробовать зажечь огонь», – подумал Артемка. Он был мал и верил в людскую доброту.

Внизу хлопнула балконная дверь, и мужчина оперся спиной о перила.

– Что тебе нужно? – резко спросил женский голос.

– А ты не догадываешься? – хохотнул мужчина. – Бедная маленькая девочка, плохой дядя чего-то от нее хочет, а она

не понимает...

– Урод.

– От уродицы слышу. Тебе придется мне дать.

– Ха, держи карман шире. Твое дело там вообще плевое, ты и червонца не заработал.

– Гадина, кто тебя на него навел?

– Я тебе в постели оттанцевала. И ему, между прочим, тоже. Так что мы в расчете.

– Да ты как была жабой холодной, так ею и осталась. Секс с тобой и червонца не стоит!

И парень засмеялся, запрокинув голову и слегка откинувшись назад.

То, что произошло дальше, потрясло Артемку. Он увидел, как блеснул на солнце браслет с голубовато-зелеными камешками и две женские руки с силой толкнули мужчину в грудь. В последнее мгновение на его лице отразился смертельный ужас, и он камнем рухнул вниз. Артемка охнул и опрометью бросился на кухню.

– Бабушка, там дядя упал, – прошептал он.

Женщина как раз доставала из духовки противень со сладкими булочками, и ей было не до внука. Но, мельком взглянув в его расширенные глаза и быстро выпрямившись, она спросила:

– Где?

– Там, – так же шепотом ответил Артемка и указал пальцем в сторону балкона.

Внизу на асфальте лежал парень. Расплывающееся вокруг головы кровавое пятно и нелепая изломанная поза неподвижного тела не оставляли надежды на то, что он жив.

Бабушка перекрестилась и побежала к телефону.

Глава 1

Когда мне было шесть лет, отец, собрав маленький чемоданчик, ушел «за туманами и запахом тайги». Мама держалась днем, а по ночам тихо плакала, думая, что я уже сплю. Спустя год мама умерла – сгорела от тоски, объяснила мне, когда я повзрослела, бабушка. Она так боялась потерять и меня, что оберегала буквально от всего и всех, стараясь заменить собою весь мир. Результатом такого воспитания стал мой полный инфантилизм – к семнадцати годам для меня составляло проблему пообщаться с продавцом в магазине или спросить медицинскую карту в регистратуре поликлиники. Кроме того, я шарахалась от сверстников и считала себя отвратительной дурнушкой.

Меня раздражало в себе все: и слишком темные волосы, и невысокий рост, и излишняя бледность, и худоба. Пожалуй, нравились только глаза – синие, в темно-серую бархатистую крапинку. Справедливости ради надо сказать, что красивый цвет глаз не спасал меня от комплекса неполноценности, и я старалась особо не высовываться и быть не слишком заметной.

В конце концов, ощущение собственной неполноценности так мне надоело, что я обложила себя книгами по психологии и начала по крупицам выстраивать свой новый образ. По мнению авторов, этого добиться легко: нужно просто ко-

пировать тех, чье поведение тебе нравится. Но такая задача оказалась невероятно трудной! Чужая личина жала в плечах и никак не хотела прирастать к коже. Я проявила упрямство, и мало-помалу что-то стало получаться. Я даже принялась экспериментировать, теперь мне не трудно было подойти к абсолютно незнакомому человеку и заговорить с ним. Роли выбирались самые невинные – «Впервые в городе», «Заболела подруга», «Не могу вспомнить адрес», «Помогите найти любимую собачку!»...

Признаться, мне это даже стало нравиться, и я уже не для учебы, а чисто развлечения ради разыгрывала психологические этюды.

Вскоре студенческие годы остались позади, и я оказалась в небольшой редакции одной из местных газет. Моих ровесников там не было, а с женщинами постарше я всегда чувствовала себя, так сказать, в своей тарелке. С ними мы пили чай, мило болтая, и мне не нужно было что-то из себя изображать.

Тридцатипятилетняя Надюха имела двоих детей, объем бедер сто тринадцать сантиметров и неистощимый запас оптимизма. Большая любительница взбитых сливок и шедевров кондитерского искусства под названием «пирожные», она никогда не отказывала себе в маленьких слабостях. С ней можно было поболтать обо всем на свете и поплакаться в жилетку.

Тамара Марковна как раз находилась в том счастливом пе-

риоде жизни, когда дети уже выросли, а внуки еще не появились. В сущности, она переживала время второй молодости и открытия для себя мира Большого Секса. Вместе с мужем, разумеется. Как-то раз она сказала, что такой полноты ощущений у нее не было даже в юности — постоянно кто-то находился рядом: то свекровь за стенкой, то дети под боком. Но дети выросли и разъехались, свекровь отошла в мир иной, и квартира опустела, затихла. К счастью, их с супругом чувство друг к другу было еще живо, и зерно свободы упало на благодатную почву.

Еще у нас работала Соня Абрамовна, которая никогда не выходила замуж, но о мужчинах знала все. Она носила стрижку «паж», курила крепкие папиросы и изредка отпускала перченые одесские шутки, на которые никто никогда не обижался. Несмотря на немного ехидный склад ума, она являлась добрейшим человеком и всегда первая бросалась на помощь.

Никакой закулисной жизни у нас в редакции не существовало, потому что нам нечего было делить и все просто занимались своим делом. А когда умерла моя бабушка, именно эти женщины поддержали меня, не дали совсем упасть духом и сломаться. В общем, мне было легко с ними, и я не хотела ничего менять.

Иван ворвался в мою жизнь как ураган. Человек-праздник, человек-фейерверк, где бы он ни появлялся, там сразу

становилось шумно и светло. Не знаю, что Иван нашел во мне – отличнице и тихоне, но, завоевав меня, он тут же принялся перекраивать мою жизнь.

Он так искренне восхищался мной, что остатки комплекса неполноценности, которым я когда-то страдала, улетучились окончательно. Надолго или навсегда, я не знала, но новое состояние положительно мне нравилось. Чертовски приятно чувствовать себя желанной!

Иногда от давления Ивана я уставала и, видимо, поэтому все никак не решалась назначить день свадьбы. Точнее, я никак не могла определиться, ответить ему «да» на его предложение руки и сердца или огорчить отказом.

Вероятно, для того, чтобы подтолкнуть меня к принятию решения, а может, действительно без всякой хитрой мысли, как уверял он, Иван повез меня в Москву. Мы засиживались за полночь в небольших «кабачках», а потом бродили по ночному городу, целуясь. День был расписан по минутам, и Ванька не давал мне покоя, не отпуская ни на шаг.

Исключение, пожалуй, составила прогулка по Арбату. Начинало темнеть, длинноволосый бородатый художник с глазами усталого странника неторопливо складывал картины, и я замерла у одной из них. Автор, заметив мой интерес, не торопился ее убирать. Так, постепенно, мы остались вдвоем – я и картина: на ней тоненькая хрупкая девушка стояла у самого обрыва, и треугольник ее платья-паруса рвал ветер. Может быть, он стремился увести ее от опасного края? Но

девушка не замечала его усилий, ей хотелось улететь туда, в безоблачную и бездонную синь неба, оттолкнувшись от земли и вытянув за спиной руки, как крылья...

Иван подошел незаметно и, склонившись, тихо сказал:

– Она похожа на тебя.

Я смутилась под пристальным взглядом художника, с до-тошностью препаратора изучавшего меня, скомканно попрощалась и пошла вперед. Наверное, эмоции слишком захватили меня, потому что когда я очнулась, Ивана рядом не было. Он прибежал позже, запыхавшийся и возбужденный.

Сюрпризы Иван делать умел. Когда мы вернулись в гостиницу, картина стояла на столе, прислоненная к стенке, а рядом, опираясь на вазу с цветами померанца, – открытка. В ней неуклюжим Ваниным почерком были выведены стихи, одна из «Песен к возлюбленной, посланных с цветами померанцев» Отомо Якамоти:

«Померанцы, что цветут передо мною,
возле дома, среди множества ветвей,
как хотел бы
ночью с ясною луною
показать возлюбленной своей!»

Наверное, на меня это произвело очень сильное впечатление, если после долгих колебаний я вдруг, не задумываясь, ответила – «да» в ответ на очередной вопрос Ивана, выйду ли я за него замуж.

Все-таки не каждый мужчина любит японскую поэзию и не путает цветок померанца, символа любви, с цветами желтой акации, вестниками разлуки. Откуда же мне было знать тогда, что знатоком тейки и языка цветов была милая девушка, работавшая в цветочном магазине? Об этом спустя месяц проболтался сам Ваня, но это уже ничуть не волновало меня. Он оказался нежным, заботливыми и любящим, а остальное было не важно.

Жили мы в просторной четырехкомнатной квартире Ивана, решив со временем продать оставшийся мне в наследство небольшой дом бабушки. Со свадьбой тоже не торопились – назначили дату в августе.

Первая размолвка у нас произошла, когда Иван называл моих любимых коллег курицами. В моем представлении ни Надюха, ни Тамара Марковна, ни уж тем более харизматичная Соня Абрамовна не заслужили такого хамского отношения. Я ужасно обиделась и три дня с ним не разговаривала.

Он сначала тоже держал паузу, но потом не выдержал, приволок охапку цветов, раскидал их по комнате, бухнулся передо мной на колени и разыграл сцену раскаяния. Иван уверял, что все понял и больше никогда и ни за что не будет лезть в мою жизнь.

Хватило его ненадолго, вскоре Иван предпринял новую атаку. Начал он издалека – с туманных рассуждений о личностном росте и карьерных взлетах, о роли случая в жизни человека, о необходимости работы над собой. Иногда под-

нималась тема соответствия профессионального статуса жены высокому статусу «титулованного» мужа (Иван был бизнесменом средней руки, но считал себя без пяти минут олигархом).

В тот день я слушала его в пол-уха, меланхолично жуя кукурузные хлопья и одним глазом пытаюсь смотреть «Запах женщины». Мне ужасно нравится сцена, где слепой герой Аль Пачино ведет в танце девушку, не ошибаясь при этом ни на шаг...

И тут до меня дошел смысл того, что говорит Иван:

– Понимаешь, я больше не мог смотреть, как ты гроишь себя! Я от твоего имени написал заявление, и Семен Аркадьевич – святой человек! – все понял и подписал. А послезавтра тебя уже ждут на новом месте работы.

От злости я запустила тарелкой в стену, хлопья с осколками разлетелись по всей комнате, а я, как следует бахнув дверью на прощанье, ушла. Около полуночи Иван разыскал меня в одном из городских баров в компании трех юнцов, которым я лихо показывала, как правильно пить текилу.

– Диана, – взмолился Иван, – прости меня! Честное слово, я просто не знал, как тебе доказать, что ты губишь себя!

Так я оказалась в редакции газеты «Любимый город».

Перед первым рабочим днем на новом месте я изрядно нервничала. Перемерила весь свой гардероб и осталась недовольна – все было не то. Одно платье – слишком строгое,

другое – слишком легкомысленное и фривольное, третье и вовсе вызывающее. Пошла на компромисс: выбрала черные брюки и шелковую блузу, а чтобы смягчить официальность наряда, талию подчеркнула ажурным ремешком, сплетенным из тонкой кожи.

Когда я вошла в редакцию, сразу стало ясно, что выбор был неверным. Впрочем, любой мой наряд оказался бы мимо цели, потому что правильнее было бы выбрать серенькое бесформенное платьице, на ноги надеть растоптанные лапти и вообще прикинуться бесцветной молью. Такой совет, во всяком случае, мне померещился в обращенных на меня змеиных взглядах. Серпентарий дружно рассмотрел меня с ног до головы, и я чуть не провалилась сквозь пол. Хотя, вполне возможно, причиной этому были мои детские комплексы, которые в тот момент дружно дали о себе знать.

– Здравствуй, – откликнулась на мое приветствие женщина, которую я вначале не увидела.

На вид ей было около сорока. Рыже-каштановые волосы, уложенные колечками вокруг лица, и добрые близорукие глаза. Она улыбнулась и поманила меня за собой в соседнюю небольшую комнату.

– Вот твой стол. Тут еще обитает юрист, но он бывает два раза в неделю, и сейчас его нет. Располагайся. Если что нужно – спрашивай, я рядом. Зовут меня Галя.

Порадовало то, что от «серпентария» я отделена стеной с дверью, пусть и постоянно открытой. Но попасть за свой

стол можно, только пройдя через весь гадюшник.

В тот день, кроме Гали Молочковой, со мной больше никто не заговорил. И если бы не она, я бы точно почувствовала себя аутсайдером. Но Галя была по-прежнему дружелюбна и мила и совершенно не обращала внимания на поведение своих коллег.

На следующий день я собиралась на работу, как на каторгу. В какой-то момент удушливой волной накатила злость, и мне мучительно захотелось плюнуть на все и вернуться в уютный мирок моих прежних коллег.

– Даже и не думай! – заявил вдруг Иван. И добавил в ответ на мой немой вопрос: – У тебя на лице все написано. Нельзя всю жизнь засовывать голову в песок, надо уметь отвоевывать место под солнцем!

Я вздохнула и поплелась «воевать». Все повторилось в точности, как в первый день, с тем лишь отличием, что теперь меня никто не окидывал ехидным взглядом – меня вообще не замечали. Кое-как дотянув до перерыва, я выскочила из кабинета и понеслась по коридору, ища место, где можно было бы перевести дух. Сначала мне показалось, что коридор свернул в тупичок, но когда глаза привыкли к темноте, я разглядела небольшую черную дверь.

За дверью оказался залитый солнцем сад. Старый и запущенный – с разросшимися кустами сирени, узенькими дорожками, давным-давно замощенными камнем, сквозь про-

реки в котором весело лезла трава; с фруктовыми деревьями, покрытыми наростами и мхом; с беседкой, когда-то выкрашенной в белый цвет, а ныне стыдливо прикрывшейся диким виноградом, — он рождал мысли о романтических встречах, свиданиях украдкой и страстных прощальных поцелуях. Наверное, в таких вот беседках принято читать стихи, вдохновенно откинув волосы со лба.

Я прислушалась, и в шелесте листьев мне померещились слова. Кто-то слегка хрипловатым голосом читал Гумилева:

Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так, что сыплется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.

И тут же другой, молодой и звонкий голос, продолжил:

Монастырского леса озера,
Переполненные голубым,
Говорят: нет лазурнее взора,
Как у тех, кто влюблен и любим...

Я вздрогнула и пошла вперед, стараясь избавиться от навязчивости. Мне нравились эти стихи, но, с другой стороны, мне нравились и другие. Почему же почудились именно эти? В общем, мне померещилось что-то грустное, сродни мрачному предсказанию.

В нескольких шагах от беседки, за поворотом, прикрытым мощной тучей, прятался обрыв. Оттуда открывался изумительный вид на море – с белым парусником вдали и мелкими барашками волн. Залюбовавшись, я не заметила, как грусть исчезла, уступив место умиротворенной отрешенности, и оттого вздрогнула, когда за моей спиной раздался голос:

– Это вас я сегодня видел во сне? Разрешите представиться: Яковлев Игорь Семенович.

От удивления я на мгновение онемела. Еще бы, передо мной стоял не кто-нибудь, а Яковлев – самый известный и самый скандальный журналист города! Его статьи всегда отличались ядовитым стилем и отсутствием оглядки на авторитеты. Видимо, Яковлев нуждался в адреналине, как рыба в воде, потому что скандалы с его участием повторялись регулярно. Периодически его за разоблачительные статьи били, но, едва залечив раны, он с воодушевлением принимался за старое.

Кроме бойкого пера, отличительными признаками Яковлева были элегантность и совершенно несовременная галантность. Дамам он целовал ручки, по праздникам всему женскому коллективу дарил цветы, открывал перед женщинами дверцу и подавал руку, помогая выйти из автомобиля.

Сейчас от него пахло умопомрачительным французским парфюмом, а одет он был в костюм оттенка жженого кофе, который потрясающе шел к его коньячно-карим глазам.

Пауза затягивалась, и Яковлев повторил вопрос, улыбаясь одними глазами:

– Как вас зовут, прелестное дитя?

– Ди-ана... – Я споткнулась на первом слоге и поперхнулась на втором.

– О, богиня Луны! – как ни в чем не бывало, будто не замечая моего смущения, продолжал он. – Изысканный симбиоз девственности и страсти, богиня-охотница, обольщающая и покоряющая мужчин.

Я уже пришла в себя и поэтому довольно эмоционально возмутилась:

– Почему же обольщающая? В ваших устах это прозвучало... почти как «развращающая». Насколько я знаю, Диана – богиня-девственница!

Яковлев рассмеялся:

– Душа моя, я не хотел сказать ничего неприятного. Просто многие не знают, что девственность в давние времена вообще не означала то, что означает сейчас.

– Да? И что же она, интересно, означала?

– Только лишь то, что девушка была не замужем. Между прочим, слова «Дева родила» следует понимать точно так же.

– Вы меня совсем запутали. Как – «точно так же»?

– А так, что ребенок появился у незамужней, только и всего, – опять рассмеялся Яковлев. – Предлагаю сразу перейти на «ты». Принимается?

– Принимается, – кивнула я.

– Я вижу, ты грустишь в одиночестве, а мне это так близко, так знакомо. Сам совсем недавно сюда перешел, – добавил он, заметив мой непонимающий взгляд. – Здешний народ тяжело идет на сближение. Вот, собрался кофе попить, не составишь компанию? Могу показать уютный бар. Кухня скромная, ничего особенного, но кофе довольно приличный и горячие бутерброды очень даже ничего. Ну, так как?

– С удовольствием, – оживилась я.

Мы вышли на улицу и, немного потолкавшись в толпе, свернули в какую-то темную подворотню. Если бы я бродила сама, ни в жизнь бы не догадалась, что там может быть расположен бар. Назывался он незамысловато – «Тройка».

«Ага, семерка и туз», – мысленно продолжила я, вопреки словарному ряду представляя птицу-тройку из Гоголя.

– Почему – «Тройка»? – я решила нарушить молчание: за весь путь от редакции Яковлев не проронил ни слова.

– Да Анатолий Кузьмич его знает! Народ зовет бар просто – «Трояк».

– Кто это – Анатолий Кузьмич?

– Хозяин.

– Неудачное расположение, наверняка бар полупустой, – поделилась я своими сомнениями.

Яковлев улыбнулся и, открыв дверь, молча пропустил меня вперед. Я вошла и, остолбенев, замерла на пороге. Зал был полон.

Наше появление не только не осталось незамеченным, но

вызвало всеобщее оживление. Присутствующие замолчали и оценивающе уставились на меня.

– Салют самой красивой посетительнице нашего бара! – поднял приветственно руку бармен, парень с перебитым носом и крепкой челюстью профессионального боксера.

– Божественная, – Яковлев согнул локоть, – можешь опереться на меня.

«Очень кстати», – подумала я, старательно делая вид, что мне такое внимание привычно.

К счастью, мое одревеневшее тело быстро пришло в себя, и я довольно сносно прошла между столиками. Игорь Семенович беспрестанно пожимал протянутые руки, здороваясь, раскланивался и целовал дамские пальчики под благосклонными улыбками их обладательниц. На меня же пленительные создания смотрели с плохо скрываемой неприязнью. «Ну, вот, – уныло думала я, – нажила себе врагов, сама того не желая. Прямо как в кино: ну, ничего ж не сделала, только вошла!»

Яковлев усадил меня за самый дальний столик и растворился в дымном тумане, я осталась в одиночестве размышлять, чему или кому обязана столь повышенным вниманием к себе. Естественно, я нахохлилась и принялась исподтишка разглядывать посетителей бара. За столиком напротив сидели ребята, бритыми затылками и отсутствием интеллекта на лицах очень похожие на бандитов. В противоположной стороне, у окна расположились двое молодых людей в костюмах

и при галстуках. Учитывая географическую близость к бару такого ведомства, как ФСБ, и непроницаемость их невыразительных лиц, я не сомневалась, что они именно оттуда. Остальные, бесшабашные и веселые, больше всего были похожи на коллег-журналистов и, как впоследствии оказалось, ими и являлись. Кроме редакции газеты «Любимый город», в которой теперь работала я, рядом находилось радио «Семь-плюс» и крошечная газетка «Почтовая карета», державшаяся на плаву только за счет платных объявлений. Но это – что касается мужчин. Девушек же, принимая во внимание, как «по-доброму» они на меня смотрели, я предпочитала не замечать.

Чтобы чем-то заполнить свободное время, я раскрыла сумочку, достала сигарету, и несколько мужчин тут же протянули мне зажигалки. Прикурила я будто бы от всех сразу, чтоб никому не было обидно.

– Разрешите представиться: Алексей, – почтительно склонил начинающую лысеть голову поноватый блондин. – Надеюсь видеть вас здесь почаще. А вы работаете вместе с Яковлевым?

– Да, – я опять растерялась от повышенного внимания.

– Значит, еще встретимся, – многозначительно глядя мне в глаза, произнес он на прощание.

Не успела я вздохнуть облегченно, как его место занял следующий, и весь диалог повторился почти слово в слово. После пятого нового знакомого я начала нервничать, после

седьмого разозлилась.

«Интересно, куда запропастился Игорь Семенович? – раздраженно думала я. – И что, черт возьми, здесь происходит? Может, заседает профсоюз коверных работников арены? Или в местной психушке забастовка медперсонала? Я, конечно, недурна собой, но это явный перебор».

Я принялась бесцеремонно вертеть головой, разыскивая Яковлева и не обращая внимания на щебет очередного «поклонника», и вдруг споткнулась о колючий взгляд высокой блондинки. Та курила, выпуская дым кольцами, и смотрела на меня с явным презрением.

Признаться, меня ее отношение сильно удивило. Настолько, что я не нашла ничего лучше, чем затянуться и демонстративно выпустить в ее сторону клуб дыма. В этот момент и вернулся Яковлев.

– Можно считать, что вы познакомились, – удовлетворенно кивнул он. – Не обращай внимания, она ко всем новеньким так относится.

– Кто это?

– Вика Андриенко. Еще пообщаетесь, она в соседнем кабинете сидит. Соседи, короче, – несолидно хихикнул Яковлев.

– Потому она на меня так «ласково» и смотрит?

– А, ерунда, пройдет. У нее это иногда бывает.

Я пожала плечами, отнюдь не чувствуя себя удовлетворенной таким объяснением, и села так, чтобы не видеть нахалку.

То, что у сотрудниц редакции по отношению ко мне произошли глобальные перемены, я поняла сразу, как только вернулась в редакцию. Теперь за моей спиной перешептывались и хихикали, а когда я оборачивалась, мило улыбались и приветливо кивали. Я не понимала, что за мышьяная возня происходит вокруг, и, как человек, теряющий опору под ногами, злилась и пугалась.

Первым в списке «врагов», повинных в моем отчаянном положении, стоял, разумеется, Иван. Остаток рабочего дня я строила планы мести и мысленно репетировала все, что обязательно ему выскажу. Но едва я увидела его радостную физиономию, выглядывающую из окна «Тойоты», как моя злость испарилась.

– Как дела? – спросил он, выскакивая навстречу и открывая мне дверцу автомобиля.

– Никак, – пожала я плечами, усаживаясь на переднее сиденье. – Начинаю жалеть, что поддалась на твои уговоры и перешла сюда.

– Ну, это ты перестань, тебе надо расти. А там что за работа была? Смех один!

– Да, – вздохнула я, – зато мне было спокойно. И меня там любили!

– Поле перейти – не пасьянс «Косынка» сложить, – философски изрек Иван, закатывая глаза.

– Ради бога, только без упражнений в остроумии! – скри-

вилась я.

– Хорошо, – на удивление покладисто согласился он, и я расслабилась, не уловив подвоха.

Но стоило мне закрыть глаза, как Ванька газанул и так рванул с места, что меня вдавило в кресло.

– Мама! – взвизгнула я и вцепилась пальцами в сиденье.

– Ага! – торжествующе вопил он, разгоняя машину. – Врешь, не пройдешь!

Так, взбадривая себя, он и пронесся на бешеной скорости по городу. А выехав на загородную трассу, полетел еще быстрее. Я от страха закрыла глаза и только судорожно молилась, обещая, если выживу, больше никогда не есть на ночь сладкого и не потворствовать другим своим греховным привычкам.

Когда автомобиль наконец снизил скорость, я разлепила глаза и дрожащим голосом спросила:

– И что это было?

– Стрессотерапия, – как ни в чем не бывало сказал Ванька, и мне захотелось треснуть его чем-нибудь тяжелым по макушке.

– Какая еще терапия?! – заорала я. – Я же просила тебя не гонять быстро! Ты же мне обещал!

– А что еще с тобой было делать? – засмеялся Иван, останавливая машину. – Ты же отказалась почтительно внимать моей смехотерапии.

Достойно ответить мне помешал владелец шашлычной

Руслан. Он распахнул дверцу автомобиля и радостно застоялся, причмокивая и оживленно разводя руками:

– Вах-вах-вах, какие люди! Заходите, гостями будете!

– Привет, Русланчик. Шашлычком не накормишь?

Отличительной чертой Ивана было то, что у него находились друзья везде, и если бы было можно, он бы их завел и на другой планете.

– Конечно, накормлю! Как не накормить, такие люди в гости приехали!

Я на ватных ногах вышла из автомобиля и, пройдя несколько шагов, кулем свалилась на деревянную лавку.

Когда Руслан убежал за шашлыком, я задумчиво спросила:

– А вот скажи-ка, Иван, почему южные люди любят исконно русское имя Руслан?

– О, стихами заговорила! Не иначе как стрессотерапия подействовала, – заржал Ванька.

– А, ну тебя, – вяло отмахнулась я.

Руслан притащил шашлык, и вино полилось рекой. Пока они без умолку трещали, обсуждая какие-то свои мужские дела, я мужественно боролась со сном. А когда мы с Иваном вернулись домой, рухнула в постель и проспала до утра без сновидений.

Глава 2

Вставать рано утром на работу всегда было для меня проблемой. Наверное, поэтому я выбрала профессию, в которой опоздание не считается катастрофой, да и сам факт прогула сложно доказать. Впрочем, один раз я все-таки пришла часам к восьми (так уж случилось, что мне не спалось) и обнаружила, кроме охраны на входе, еще трех человек – главного редактора, седого импозантного мужчину лет сорока пяти, которого все фамильярно звали по отчеству – Соломонович; замдиректора по хозяйственной части, энергичного и поджарого дядьку с занятой фамилией Скворец, и секретаря Веру Павловну.

На юбилее редакции, который успел случиться за то короткое время, что я там работала, секретарь выпила лишнего и во всеуслышание заявила, что меня взяли в редакцию только потому, что я – любовница Скворца.

– Не расстраивайся, – успокаивала меня Галя, – ее характер тут все знают, даже между собой из Веры Павловны в Стерву Падловну переименовали. На самом деле именно она была любовницей Скворца, но что-то у них там не заладилось, и они расстались.

– И тетка не нашла ничего лучше, чем обвинить в этом меня!

– Согласись, обидно было бы не найти виноватых, себя-то

уж она точно ни в чем не винит.

Через два дня после юбилейного торжества Вера Павловна уволилась, и ее место заняла добродушная хохотушка Таня. Она любила яркие платья и обильно украшала себя бижутерией, отчего иногда походила на новогоднюю елку.

Я шла по коридору, прислушиваясь к странным шорохам по сторонам. Пол был чисто вымыт, кое-где поблескивал влагой, и пахло весенними цветами. Неожиданно сзади скрипнула дверь, послышались шепот и сдавленный смешок.

Обернулась – никого. И вдруг следующая же дверь, мимо которой я проходила, резко распахнулась, пребольно ударив меня, и из нее буквально вывалилась в коридор Вика. Огромная стопка газет, которую она держала в руках, с громким шлепком упала на пол и рассыпалась.

Я ойкнула и отскочила, потирая ушибленную руку.

– Извини, я думала, здесь никого нет... – Вика присела и начала собирать газеты. – Мы, кажется, до сих пор не знакомы?

– Я тебя знаю, ты – Вика.

– Угу. Яковлев сказал?

– Да. – Я тоже присела и стала ей помогать.

– Впрочем, я знаю, что тебя зовут Диана. Можно считать, что познакомились. – Вика с сомнением оглядела увесистую кипу газет и спросила: – Боюсь опять их рассыпать... Не можешь донести?

– Конечно.

Мы разделили стопку пополам и понесли в подвал, в архив.

– Послушай, я тебя не сильно ударила?

– Пустяки, до свадьбы заживет.

– Нехорошо получилось, – вздохнула Вика. – Честное слово, я не специально! Не обижайся, ладно?

– Я не обижаюсь, – пожала я плечами. – Откуда тебе было знать, что мимо двери кто-то идет?

– Но я все-таки чувствую себя виновной. Пойдем в «Тройку», я угощаю.

– Спасибо, но у меня работы много, – попыталась отказать я, чувствуя себя страшно неловко: провести обеденный перерыв в «Тройке» я собиралась, как и все последние дни, с Яковлевым.

– Ну вот, – надула губы Вика, – а говоришь, не обиделась.

– Я действительно... – начала я. Но Андриенко бесцеремонно перебила:

– Или ты идешь со мной, или я считаю, что ты не захотела принять мои извинения!

Я вздохнула:

– Ладно, идем.

– Хотя нет, – встрепенулась вдруг Вика. – Знаешь, давай лучше у меня в кабинете посидим. До обеденного перерыва еще дожить надо, а сейчас никак нельзя сорваться, на меня и так уже Соломоныч зуб точит.

Мы прошли к ней в кабинет, где она, весело болтая, залила кофе кипятком, достала пачку сигарет и уселась напротив меня.

Надо сказать, что я раньше почти не курила, но за неделю работы в редакции привыкла дымить, как паровоз.

– А ты Яковлева давно знаешь? – без церемоний приступила к допросу Вика.

– В редакции познакомились.

– И как?

– Что – «как»? – не поняла я.

– Он у нас записной сердцеед. Небось, уже напел про несчастную холостую жизнь, про тоску и одиночество, отсутствие женской ласки и свидание назначил?

– Мы с тобой об одном и том же человеке говорим? – удивилась я. – Мне он не показался...

– Это он специально прикидывается хорошим, – опять перебила меня Вика, – а потом заманит тебя в свои сети и бросит. Как меня.

И на ее глазах заблестели слезы.

Сигарета чуть не выпала у меня из пальцев. Я сразу вспомнила ее презрительный взгляд в баре.

– Тебя?!

– Вот видишь, он даже не сказал тебе, что я его жена.

Я как раз пыталась отхлебнуть кофе, поэтому немедленно поперхнулась и закашлялась, мысленно проклиная все на свете. Горячий кофе обжег не только рот – огненным ша-

ром прокатился по пищеводу и завис где-то в районе верхней стенки желудка.

– И-извини, Вика, я не знала, – заикаясь, забормотала я. – Собственно, зачем ему было об этом говорить? Мы с ним просто друзья.

– Да ладно, – иронично обронила собеседница.

– Серьезно. У меня свадьба скоро, зачем мне чужие мужья...

– Свадьба? Это хорошо. Надеюсь, твой жених не окажется таким же подлецом, как Яковлев.

И Вика загрустила.

– Я, пожалуй, пойду, – заторопилась я, – работы много.

– Конечно, – кивнула она. – Да и мне сегодня статью надо сдавать. А ты заходи, кофе еще попьем, а то у меня в кабинете все по командировкам разъехались, словом не с кем перекинуться. Скукотища.

Я попрощалась.

– Смотри приходи! Жду! – крикнула Вика мне вдогонку.

Вернувшись в свой кабинет, я не находила себе места. Смутное ощущение, что во всей этой истории что-то не так, не покидало меня, но я не понимала, что именно. Если Вика правду сказала, то зачем Яковлев привел меня туда, где ежедневно обедает она? Хорошо, допустим, ему наплевать, что он женат... Но почему тогда она-то сразу к нам не подошла, как только увидала? На тихоню Вика не похожа, темпе-

рамент не тот.

Чем дольше я размышляла, тем более запутанным все казалось. И еще та странная очередь из мужчин около моего столика в баре, когда мне вздумалось прикурить...

Я начала вышагивать из угла в угол по диагонали. И каждый раз оказывалась у маленькой дверцы, ведущей непонятно куда. Узенькая, низкая, как в камерке у папы Карло, с нормальной дверью она не имела ничего общего. Так, створка какого-то встроенного шкафа, который ни разу при мне не открывали.

Совершая очередной проход, я задела ее рукой, и дверца открылась. Пахнуло пылью и лежалым хламом. И еще стало видно, что никакой за ней не шкаф, а темный и длинный коридор.

Выключатель оказался еще забавней створки – допотопный и старый, он торчал на стене бородавкой и вместо клавиши имел кнопку, как у звонка. Когда я на нее нажала, пара тусклых лампочек скудно осветила пространство: несколько дверей с левой стороны, а в конце коридора – старинный покосившийся стул с резной спинкой. Вместо одной из четырех ножек были подложены стопкой книги, сама же ножка лежала здесь же, на сиденье. Мне захотелось разглядеть резьбу поближе, и я направилась к стулу. И вдруг услышала слева шум.

Голоса – мужской и женский – шли от одной из дверей, и в разговоре мне вдруг почудилось мое имя. Я подошла по-

ближе и прислонила ухо к замочной скважине.

– Ты этого не сделаешь. – Мне показалось, голос принадлежит Яковлеву.

– И что меня остановит?

– Ты не такая злая, какой хочешь казаться. Да и зачем это тебе?

Собеседница засмеялась.

– В самом деле?! Хочешь меня лестью задобрить? Не выйдет.

Послышался звук захлопнувшейся двери, все стихло, а из щели снизу потянуло сигаретным дымом.

Я торопливо вернулась к себе, села за стол и подперла голову руками. Смутные догадки роились в мозгу, но я не могла оформить их в стройную систему. Если здесь есть черный ход и почти из каждого кабинета имеется второй выход, то точно так же, как сегодня я подслушала чужой разговор, могли подслушивать и меня. Или даже побывать в этом кабинете в мое отсутствие. От сей мысли мне стало ужасно неуютно, будто меня посадили в стеклянную банку.

Я выглянула в соседнюю комнату и, обнаружив там одну Галю, обрадовалась.

– Не подскажешь, куда ведет та дверь? – Я ткнула пальцем в сторону черного хода. И, поскольку разглядеть, куда я показываю, с места, где сидела Галя, было невозможно, пояснила: – Низкая такая, войти в нее можно, только пригнувшись.

– А... – догадалась коллега, – тебя, наверное, разыграли... Знаешь, бывший хозяин этого дома был большой оригинал. Здесь почти все помещения имеют по два выхода – центральный и черный. Раньше наша молодежь с удовольствием их использовала, чтобы подшучивать друг над другом. Но теперь стало неинтересно, и достается только новичкам. А что у тебя случилось?

– Ничего, – не стала признаваться я, – просто любопытно. А если бы даже кто-то и пошутил, то я не вижу в том ничего предосудительного. Может быть, даже было бы забавно.

Галя с сомнением посмотрела на меня и пожала плечами. Наверное, не поверила. Да я и сама себе не верила. А в душе у меня продолжал скрестись червячок размером с южно-американскую анаконду.

Остаток дня тянулся отвратительно медленно. Я пыталась придумать предлог, чтобы улизнуть с работы пораньше, но, так ничего и не надумав, смирилась. Когда стрелка приблизилась к шести, я радостно положила бумаги в сейф, закрыла его и полетела к выходу.

Иван уже ждал возле своей «Тойоты», приняв позу скучающего Онегина. Увидев меня, он оживился и помахал рукой, я помахала в ответ. И тут кто-то сзади схватил меня прямо за ушибленный локоть. Я ойкнула, от неожиданности едва не выронив сумку, и обернулась.

– Ой, извини, – затараторила Вика, – Не хотела тебя напу-

гать. Ты на машине? Будь другом, выручи! Я забыла совсем, что предки сегодня придут, а у меня после вчерашней вечеринки не прибрано. Представляешь, что они мне устроят? И денег на такси нет, я всегда еле до зарплаты дотягиваю. А сумки ужас какие тяжеленные, до маршрутки не донесу. Подвезешь?

Меня так и подмывало спросить, почему ей не помогает собственный муж, но воспитание не позволяло задать бестактный вопрос. Поэтому я скрепя сердце ответила:

– Конечно, поехали.

Вика унеслась за сумками, а я отправила ей в помощь Ивана, чтобы бедная девушка сама не транспортировала тяжести к машине. В общем, я была довольно беспечна.

Забегая вперед, скажу, что если бы я тогда знала все, что узнала о Вике позже, то вряд ли повела бы себя так. Скорее всего, быстро-быстро увела бы Ивана и сама постаралась держаться от новой знакомой подальше.

Обладая ангельски невинным личиком и фигурой секс-бомбы, Вика с удовольствием пользовалась своими внешними данными. Ей не составляло большого труда добиться, чтобы мужчины бросались на нее, как рыба на мормышку. Поскольку Вика презирала нравственные законы, жила она по принципу «в любви, как на войне, – каждый сам за себя». Причем слово «любовь» она вовсе не трактовала как воспетое поэтами чувство, испытыв которое человек не только сам становится лучше, но и делает прекрасней мир вокруг. Нет,

она понимала любовь как флирт, доведенный до логического конца, то есть до постели. Если ей нравился мужчина, то она делала все, чтобы его добиться, и препятствия в виде жен-невест в расчет не принимались.

Правда при всей своей внешней сексуальности Вика была холодна, как глыба льда, и испытывала нежные чувства только к одному-единственному человеку – к себе. Есть такие женщины, у которых, по меткому выражению Эрика Берна, все уходит в гудок, – то есть за внешними проявлениями темперамента скрывается инфантильный и равнодушный к сексу человек. Само собой, мужчины понимали, что купились на блестящий муляж, когда уже прочно сидели на крючке.

Кому другому и такой тактики хватило бы, чтобы удачно выйти замуж и угомониться, но, к несчастью, у Вики был вздорный характер, поэтому мужчины в ее жизни менялись как перчатки. Она с удовольствием бросала кавалеров, но если оставляли ее, Вика приходила в бешенство. Как надолго – зависело от величины рыбешки, сорвавшейся с крючка.

Но я пока всего этого не знала и совершенно спокойно сидела на переднем сиденье машины, слушая, как Вика, не смолкая ни на секунду, развлекает Ивана. Когда мы подъехали к ее дому, она, подхватив сумки, вышла из машины – и тут же охнула, болезненно скривившись.

– Я, кажется, ногу подвернула, – жалобно протянула Вика, глядя на Ивана по-собачьи преданными глазами.

Ванька сразу почувствовал себя рыцарем, выпорхнул из машины и вцепился в ее пакеты.

– Держитесь за мой локоть, – предложил он.

Вика с готовностью повисла на нем и похромала в дом.

На следующий день она была весела и бодра, будто накануне и не спотыкалась. Не успела я прийти на работу и разложить свои вещи, как она ворвалась в мой кабинет и с ходу завопила:

– Привет!

– Привет, – ответила я. – Как твоя нога?

– А, нормально, – хохотнула коллега, – зажило, как на собаке. Имей в виду, сегодня на обеденный перерыв идем вместе. И даже не думай возражать!

Я все-таки чувствовала себя одиноко в редакции, и Викин интерес был приятен. Тем более что ее характер – веселый и заводной – очень импонировал мне: к таким людям меня всегда тянуло.

Время пролетело быстро, и вскоре Вика впорхнула в мой кабинет. Плюхнулась на стул рядом со мной, достала сигареты, обронив:

– Заканчивай мараить бумагу, давай покурим.

И принялась болтать без умолку.

Вскоре я уже была посвящена в историю жизни некоторых сотрудников редакции и могла довольно сносно ориентироваться в их именах, семейном положении и пристрастиях. Галя Молочкова одна растила дочь и никогда не принимала

участия в корпоративных вечеринках. Людмила Анатольевна Любимцева, спортивный комментатор, с мужем давно была в разводе, жила отдельно от взрослой дочери и предпочитала любовников намного моложе себя. Причем зациклило ее на конкретном возрасте – двадцать шесть лет. Ада, корректор, жила с мужем и подругой Сусанной, над чем в редакции посмеивались. Муж работал у нас рекламным агентом, Агентом его и называли. Пожалуй, уже никто и не помнил, как его зовут на самом деле.

Обнаружив, что уже начался обеденный перерыв, Вика вспорхнула со стула, пообещав обо всех остальных рассказать мне в следующий раз, и, дернув меня за руку, поторопила:

– Давай, пойдем скорей. Есть хочу!

В баре она заговорщицки склонилась ко мне и объявила:

– У меня сегодня небольшая вечеринка, сразу после работы едем ко мне.

– Но я не могу, за мной должен заехать Иван!

– Ну и что? – пожала плечами Вика. – Он нам не помешает. Что, он не любит отдыхать, что ли?

– Мы с ним собирались прошвырнуться по магазинам.

– Сделаете это в другой раз. Смотри, я обижусь!

Иван отдыхать любил, но только в компании знакомых ему людей, и я была уверена, что он от предложения Вики откажется. К моему огромному удивлению, Ванька согласился сразу, даже особенно ни о чем не расспрашивая.

Вечером Вика опять влетела ко мне и безапелляционно заявила:

– Собирайся, поехали.

Я посмотрела на часы.

– Вика, Иван заедет за мной только через час.

– Так звони ему, пусть поторопится. – Она придвинула ко мне телефон.

И опять Иван сразу согласился, даже не поинтересовавшись, почему я ухожу с работы почти на час раньше.

Компания у Вики подобралась небольшая, и как раз из тех людей, которых мне Вика успела заочно представить: Ада с мужем, плюс Сусанна и Любимцева. Новым был только Вася Смирнов, фотограф, который тут же потянул меня к компьютеру и принялся демонстрировать свои фотографии. Некоторые снимки мне понравились, но Вася явно злоупотреблял фотошопом, отчего небо получалось слишком синее, закат чересчур оранжевый, а цветы ненатурально яркие.

Спиртное лилось рекой, всем было весело, и только я скупчалась. К своему стыду, должна признать: то ли русской крови у меня мало, то ли по какой другой причине, но пить я совершенно не умею. В каком-то смысле я очень выгодный собутыльник, потому что пьянею, едва понюхав пробку.

Заметив, что я не пью, Вика страшно возбудилась, прочитала мне целую лекцию о вреде отрыва от коллектива, после чего стала тщательно следить за тем, чтобы я не сачковала.

И вскоре я уже плохо понимала, где нахожусь.

– Идем купаться! – скомандовала Вика. Затем, подхватив под руку, новая подруга поволокла меня переодеваться. Мои слабые попытки освободиться были оставлены без внимания.

– На, – протянула она мне короткую трикотажную юбочку и такую же блузку.

– Зачем?

– Как – зачем? Ты что, в юбке до пят и шелковой блузе к морю пойдешь?

– Да не пойду я купаться! – возмутилась я. – У меня и купальника-то нет.

– А я тебе свой дам.

Ада и Сусанна с радостью обрядились в Викины пляжные костюмы, Любимцева заявила, что в любом наряде хороша и в дополнительном приукрашивании своей знойной плоти не нуждается, после чего мы двинулись к пляжу.

Надо сказать, что Викин дом находился на горе, и чтобы попасть к морю, нужно было спуститься по узкой металлической лестнице, которая качалась из стороны в сторону. Мужчины бодро ушли вперед, а я, наоборот, отстала, боясь, что из-за двоящихся в глазах ступенек за истинную приму не ту.

Так я и шагала – осторожно, цепляясь за перила, нащупывая каждую ступеньку. И так увлеклась, что не заметила, откуда взялся тот субъект – чернобровый и кривоногий. Он сально ощупал мою фигуру глазами, смачно причмокнул и,

схватив меня за талию, поволок вверх.

– Мама! – взвизгнула я, вцепляясь обеими руками в перила.

Вика моментально обернулась и, перепрыгивая через две ступеньки, взлетела к нам и ткнула чернобрового кулачком в лицо. Тот ойкнул и от неожиданности сел на лестницу.

– Моих подруг трогать нельзя! – рывкнула Вика и, цепко ухватив меня за руку, потянула вниз.

Дальнейшее я помню смутно. Кажется, был пляж, усыпанный белыми камушками, теплая вечерняя вода, и мы все-таки купались. Причем купальник я так и не надела, меня перестало волновать его отсутствие.

Глава 3

На следующее утро я мучилась жесточайшей головной болью и была похожа на инкубаторского цыпленка, умершего от голода. Заглянувший ко мне в кабинет Яковлев цокнул языком от увиденного, ушел и минут через пять вернулся с бутылкой Цимлянского шампанского.

– Боже мой, Игорь Семенович, убери! Меня сейчас вернет от одного его вида! – взмолилась я.

– Не преувеличивай, душа моя, – не согласился Яковлев, раскупоривая бутылку. – Это надо пить как лекарство. Ну-ка, зажмурилась и выпила!

Я с отвращением отвернулась. Яковлев придвинул мне стакан и грозно приказал:

– Пей!

Вскоре мне и правда полегчало. Игорь Семенович удовлетворенно кивнул, оценив мой вернувшийся на щеки румянец, и сказал:

– Есть разговор, только не здесь. Через пять минут ты выходишь и садишься в такси, я уже буду тебя ждать.

И только я открыла рот, чтоб спросить, зачем, как его и след простыл. Мне было плохо, идти никуда не хотелось. Но, в конце концов, вдруг у человека проблемы? Нельзя же быть законченной эгоисткой. Я наскоро собралась и, выскочив из редакции, села в ожидавшее меня такси.

Маленькое кафе было полупустым. За одним столиком сидели две молоденькие девушки, что-то обсуждая и хихикая, за другим – влюбленная пара, не замечавшая никого вокруг. Яковлев подозвал официантку, сделал заказ и задумался, кажется, забыв обо мне. Он оперся лбом о сложенные замком руки и сидел так, глядя в стол. Я его размышления прерывать не решалась, но всерьез подумывала уйти. И тут появилась официантка. Быстро метнув на стол запотевший графинчик, она с такой же скоростью выставила закуску и кофе, а заодно и чистую пепельницу, и упорхнула.

– Спасибо, Люся, – бросил ей в спину Яковлев, и девушка незамедлительно обернулась, обнажив в улыбке зубы.

Открыв графинчик, он протянул руку к моей рюмке, но я быстро прикрыла ее ладонью.

– Как знаешь, – вздохнул Яковлев, – неволить не буду. Хотя – зря, под водочку информация легче до души дойдет.

Я отрицательно мотнула головой, всем своим видом показывая, что намерений не изменю. Яковлев уныло кивнул и, налив себе полную рюмку, залпом выпил. Затем опять уткнулся взглядом в стол. Пауза затягивалась. Когда я уже готова была встать и уйти, он вдруг заговорил:

– Послушай, мне очень тяжело. Промолчать не могу, а как рассказать, не знаю.

– Игорь Семенович, не томи, я начинаю нервничать! – взмолилась я.

– Не переживай, душа моя, просто послушай совета старого доброго дяди Игоря.

Я хмыкнула:

– Набиваетесь на комплименты, сударь?

Яковлев грустно покачал головой.

– Тебе не стоит дружить с Викой. Вы с ней не подруги.

– Да? А кто же мы? – Я была настолько удивлена его выпадом, что не смогла удержаться от сарказма.

– Да, черт возьми, кто угодно! Но только не подруги.

Я начала злиться.

– Это что, месть? Ну, Игорь Семенович, не ожидала от тебя.

Он вдруг расхохотался во все горло, запрокинув голову, а потом скривился как от зубной боли:

– Какая месть, кому? Вике? Что она тебе наболтала? Мсть... Какая чушь! Ради бога, я далек от такой мелочной суеты. Просто держись от нее подальше.

– Спасибо за совет, – надулась я, обидевшись.

– Хорошенько подумай о том, что я сказал.

Яковлев опять выпил, сразу же налил следующую рюмку и, обнаружив, что графинчик опустел, подозвал официантку:

– Будь добра, принеси-ка еще водки.

Я ощутила беспокойство. Мало того, что, когда он пришел ко мне в редакции, от него уже ощутимо пахло спиртным, так и сейчас он выпил столько, что вполне мог окосеть.

Я встала, но Яковлев резко схватил меня за руку, до боли сжав.

– Сядь.

Я охнула и попыталась освободить запястье.

– Пожалуйста, выслушай меня!

Он поднял на меня глаза, полные мольбы. Пришлось смириться и приготовиться слушать.

– То, что я расскажу сейчас, может быть, почти исповедь, может быть, попытка остановить тебя, а может, – Яковлев махнул рукой, – мне просто нужен собеседник, которому я могу излить душу.

Он начал говорить, подбадривая себя спиртным, а я пожалела, что не ушла: он пьянел все больше и больше. Значения его рассказу я не придавала, списав все на пьяный бред.

Через два дня я сидела в опустевшей редакции, мучаясь над статьей. Работа не клеилась, я психовала. И от злости на саму себя запустила в стену металлической пепельницей. К счастью, пустой. Тут же я услышала, как в соседней комнате открылась дверь, раздались шаги, и в моем кабинете появилась Сусанна. У нее была смуглая кожа, красивые миндалевидные глаза и высокие скулы. Я успела узнать, что она пишет стихи и за этим занятием может забыть обо всем на свете.

– О, класс, и ты здесь! А я думала, что одна такая ненормальная – по вечерам в редакции торчу. Чего расстроена,

статья не получается? – спросила она.

Я кивнула:

– Никакого креатива, мозг, как в подушке. А завтра с утра ее надо сдать!

– Ты просто текст заездила, потому мозги и буксуют. Давай потреплемся о чем-нибудь отвлеченном, потом и работа быстрее пойдет.

– Пожалуй, другого выхода нет, – уныло согласилась я, поднимаясь и включая чайник. Затем открыла шкаф и достала из него конфеты.

– А у меня пряник есть! – радостно воскликнула Сусанна. – Сейчас принесу.

Она застучала каблуками в сторону своего кабинета и быстро вернулась, неся в руках большой прямоугольный пряник, украшенный глазурью.

– Вот, смотри! Любишь?

Я пожала плечами.

– Под настроение. Я вообще к сладкому равнодушна.

– Везет тебе! – с завистью оглядела мою тощую фигуру Сусанна.

Мы налили в чашки чай, она вставила в длинный мундштук сигарету и, закулив, вдруг спросила:

– Слушай, а как получилось, что ты с Викой сдружилась? Странно это, вы совсем разные. Она тебе сама дружбу предложила?

Я замялась:

– Слушай, тебе не кажется странным этот разговор?

– Нет. – Она вздохнула. – Мне кажется странным, что Вика проявляет к тебе повышенный интерес. Да и Вася что-то последнее время понурый ходит.

– При чем здесь Вася?

– Как, ты не знаешь? Вот так подруги! Вася – Викин сожитель, или, как она любит называть своих мальчиков, гражданский муж. А до него Вика с Яковлевым жила. Они дольше всех вместе продержались, целых восемь месяцев. Это у них уже третий заход был, первый и второй раз жили они месяца по четыре. В перерыве Вика чуть не вышла замуж, уже даже платье белое примеряла.

– За Яковлева?

– Да нет же! Какая ты тугодумка... У нее был роман с каким-то альфонсом. Он не работал, сидел у нее на шее, вернее Яковлев их обоих и содержал.

– Не может быть! – не поверила я. – Так не бывает!

– Еще как бывает. Вика встряла Игорю в голову, как морковка в землю, и он никак не может ее оттуда вытащить. Любовь у него, понимаешь. Такая, которая прощает все.

– Ничего себе! – вытаращила я глаза, тщетно пытаюсь представить, чтобы меня с бойфрендом содержал, к примеру, Ванька. Так и не представив, перестала мучить свой и без того уставший мозг.

– Хочешь, расскажу, из-за чего Яковлев в очередной раз от нее ушел?

– Не хочу.

– А я все равно расскажу, тебе полезно будет услышать для общего развития.

И, не обращая внимания на мой протестующий жест, Сусанна начала повествование. А я вдруг с удивлением обнаружила, что показавшийся мне пьяным бредом рассказ Яковлева вполне реален – теперь передо мной вырисовывалась довольно стройная картина.

Итак, некоторое время назад случилось следующее.

Почти вся редакция была приглашена на вечеринку к Вике по случаю Первого мая. Первыми пришли трое коллег.

– Привет! – Ада, встав на цыпочки, дотянулась до Викиной щеки и громко чмокнула.

Сусанна вручила ей пакет с продуктами и выпивкой:

– Бери, не брезгуй. Это наш посильный вклад в общее дело.

– Спасибо, – проворковала Вика ангельским голоском нимфетки-переростка. – Проходите в дом, располагайтесь. Сейчас остальные подойдут, и сядем за стол.

Хозяйка дома вся светилась и излучала очарование. Яковлев покосился на нее и, занервничав, закурил. Ему очень хорошо было знакомо такое ее состояние, Вика начинала «сиять» каждый раз, когда у нее завязывался новый роман. И ему приходилось смиренно отходить в сторону. И зачем

только он увидел ее тогда, несколько лет назад, эту профурсетку-первокурсницу? Зачем...

Эх, да только что теперь об этом говорить! Завяз он по уши. Заболел. Любовью заболел. По-хорошему, надо взять бы да уйти, так ведь ноги не несут. Ну почему Вика? Почему он влюбился именно в нее? Нет, чтобы на ее месте оказаться тихой скромной девушке, с которой они бы мирно пили по вечерам чай и растили детей...

Яковлев вздохнул, затушил сигарету и пошел к гостям. Ада, Агент и Сусанна бурно обсуждали преимущества и недостатки разных видов покера. Агент, низкорослый и сухопарый мужчина, вышагивал по комнате, громко стуча пятками. Темные волосы его были взъерошены, от жары – в доме было сильно натоплено – на лбу выступили капельки пота. Он размахивал одной рукой, вторую по-ленински заложив за пройму жилета, и разглагольствовал о преимуществах «трехкарточного».

Сусанна кривила губы и убеждала начать с «карибского», а Ада ренегатски настаивала на бридже.

– Какой покер? С ума сошли, да? – возмутилась Вика, внося блюдо с сыром. – Сначала за стол. А то знаю я вас, сейчас на полу рассядетесь и еду туда же перетащите, поросята!

Яковлеву хотелось одиночества. Он чувствовал, что сегодня случится что-то важное для него. Выйдя на кухню, он достал остро заточенный нож, толстую деревянную доску, которую сам купил – Яковлев любил готовить и все кухонные

принадлежности всегда выбирал сам, – и нарезал бекон. Потом достал из духовки запеченную по его собственному рецепту индейку и понес к столу. Там по-прежнему шел спор. Вика молча наблюдала за всеми, не вступая в общую перепалку, и нервно поглядывала на часы. Настроение у нее явно испортилось.

– Все, садимся! – она резко вскочила. – Больше никого не ждем.

И в этот момент раздался звонок. Вика зарделась, как маков цвет, и побежала открывать дверь. Яковлев проводил ее грустным взглядом и, пытаясь прикурить, сломал три спички. В сердцах встряхнул коробок так, что спички разлетелись в разные стороны, но он все-таки зажег одну и прикурил.

– Презент хозяйке дома, – из прихожей раздался вальяжный молодой басок.

Яковлев вышел туда и увидел, как новый гость целует Вике ладонь. Покосившись на Игоря, она поспешно выдернула руку и прижала к себе букет оранжевых бархатцев, упакованных в бордовую гофрированную бумагу. На взгляд Яковлева, букет был отвратительно аляповатым и не стоил того счастья, которое светилось в глазах Вики.

– Знакомьтесь, это Василий, фотограф, – представила она гостя остальным.

Парень расхлябанной походкой прошел к столу и уселся, картинно подогнув рукав джинсовой куртки так, что

стал виден поддельный «Роллекс». У него были прямые темно-русые волосы и томно-синие глаза, которые Яковлев сразу окрестил блудливыми. Нельзя было не заметить, что Вася очень хорош собой и наверняка имеет бешеный успех у женского пола, но было в нем и что-то отталкивающее. Поислав этому ощущению разумное объяснение – кроме чувства ревности, разумеется, но так и не найдя, Игорь Семенович вздохнул и разлил водку по рюмкам.

Васе было двадцать два, и ему до зубовного скрежета осточертело жить с мамой и ежедневно слушать ее советы. «В твоём возрасте пора бы уже зарабатывать самому, а не сидеть у меня на шее», – пилила его она. И молодому человеку хотелось скорее стать свободным, как ветер.

Красивая, всегда хорошо одетая Вика, уверенная в себе, со стабильным доходом, в отличие от всегда перебивающегося случайными заработками Васи, показалась парню верхом совершенства. «Если быть рядом с ней, – подумал он, – то вполне можно добиться осуществления своих тайных желаний».

– Мы здесь собрались, чтобы... – вырвал его из плена сладких мыслей голос Яковлева.

– Не важно, по какому поводу мы собрались, – перебила Игоря Вика, очаровательно улыбаясь. – Первое мая как праздник уже давно никого не интересует. Главное, что мы собрались!

Девушка сделала акцент на последнем слове и многозначительно посмотрела на Васю.

Тот снисходительно улыбнулся.

– Так выпьем же! – поднял рюмку Агент.

Яковлев не мог смириться с тем, что его перебили, не дав договорить, поэтому гаркнул:

– Да здравствует Первое мая, дорогие товарищи!

– Ура! – заорала Ада и полезла целоваться к Сусанке.

– Ну, ну, – не одобрила ее поведения Вика, – еще не Пасха, христосоваться рано.

Агент, не обращая внимания на их перепалку, выпил, крикнул и разлил беленькую по новой.

К концу четвертой бутылки настроение у всех поднялось, глаза заблестели, языки развязались.

– Вася, а вы чем занимаетесь? – промурлыкала Ада, наклоняясь к нему и кокетливо поводя плечиком.

– Он фотограф, я же сказала! – тоном, не предвещающим ничего хорошего, одернула ее Вика.

Но Аде уже море было по колено.

– Ой, как интересно, – закатила она глаза, – как приятно общаться с творческой личностью! А кто вы по знаку Зодиака?

– Небось, какая-нибудь скотина, – желчно вставил Яковлев.

– Мой знак – Рыбы.

– А я Дева, – продолжала кокетничать Ада. – Дева и Рыбы

– гармоничная пара.

– Вика, а ты кто? – спросил Вася.

– Рак, – буркнула она, вставая и оттесняя от Васи Аду.

Ада покачнулась и едва не упала.

– Наверняка тоже гармоничная пара, – прокомментировал Яковлев. – Рак ведь любит рыбу. Тухлую.

Агент, поглощавший еду со скоростью, неожиданной для его небольшого жилистого тела, заметил на столе густо усыпанное перцем рыбное блюдо и, подцепив пару кусочков, отправил в рот. Дыхание у него тут же перехватило, на глазах выступили слезы, и он едва удержался, чтоб малодушно не выплюнуть жгучую рыбу. Отдышавшись, вытер слезы и, украдкой оглядевшись, громко сказал:

– Ребята, рыба – просто отпад! Кто не пробовал, очень рекомендую!

Несколько рук тут же протянулись к блюду, и общее мнение затем озвучила Сусанна:

– Агент, а ты – гад.

Аде вдруг стало жалко себя. Она села в угол и загрустила. Вспомнились несчастливое сиротское детство, бабушка, отказавшаяся от нее семилетней, неудачное замужество и одиночество в семье. Если бы не верная Сусанка, которая была с ней рядом с тех пор, как семилетняя Ада впервые переступила порог детского дома, то жизнь была бы и вовсе невыносима. Она знала, какие слухи ходят о них по редакции, но это все ерунда. Сусанна ей как сестра.

– Давайте танцевать! – закричала Вика, вцепляясь в Васю и вытаскивая его на середину комнаты.

Яковлев зло окинул их взглядом, налил себе еще водки и, заметив, как Агент, оценивший пикантность восточного блюда, продолжает его поглощать, посоветовал:

– Мечи пореже, печень заболит. – Затем он выпил очередную рюмку и отключился. А проснулся от тишины. Разлепив глаза, огляделся вокруг и, никого не увидев, поднялся. Жажда мучила его нестерпимо. По-стариковски прошаркав на кухню, Яковлев напился воды из-под крана и, посмотрев на себя в зеркало, выдернул волосинку, нахально торчащую из ноздри. По дороге обратно поднял опрокинутый кем-то стул, собрал грязные салфетки со стола, выключил работающий телевизор и тут увидел их. Он по инерции еще шагнул вперед, не в силах отвести взгляд от обнаженного тела Вики в объятиях Васи, потом повернулся и, сгорбившись, вышел из спальни. Медленно, словно каждую минуту ожидая, что кто-нибудь проснется, достал дорожную сумку и стал складывать вещи.

Собрав сумку, Игорь Семенович аккуратно закрыл дверь, бросил ключ в форточку и ушел. Идти, собственно говоря, ему было некуда: будучи уроженцем Украины, своего жилья он в России не имел. Оставалось два варианта: снять номер в гостинице или попроситься на постой к кому-то из друзей. «Если бы я скромней тратился на подарки да на развлечения, – думал он, бредя по ночному городу, – уже давно об-

завелся бы собственной квартирой».

Как только захлопнулась дверь, Вася Смирнов поднял голову и довольно улыбнулся. Клофелин в последней рюмке хозяйки дома сделал свое дело, а интеллигентный Яковлев, как и предполагалось, не стал устраивать дебош с битьем посуды и Васиной физиономии, а просто тихо слинял. Фотограф встал, жизнерадостно хрустнул костями и пошел по дому осматривать скарб. Он ликовал, и для полноты ощущения ему надо было с кем-то разделить это ликование.

Василий подошел к спящей Вике и потряс ее за плечо. Никакой реакции. Потряс ее сильнее – та в его руках болталась, как тряпичная кукла, и Васе стало не по себе. Он попытался ее посадить, надеясь, что от столь кардинальных мер Вика непременно проснется, но все было тщетно.

И тогда Васю охватил страх. Он в панике заметался по комнате, чувствуя, как холодный пот струйкой стекает между лопаток. Вызвать «Скорую»? И что он скажет? Что случайно уронил клофелин Вике в рюмку? Или правду?

Вася даже хмыкнул, представив, как он чистосердечно кается перед бригадой врачей «Скорой помощи»: «Господа доктора, а что мне оставалось делать, если Вика вовсе не собиралась расставаться со своим гражданским мужем Яковлевым? Довольствоваться и дальше объедками и жить с постоянно пилящей меня мамой? Кто ж мог предположить, что доза окажется слишком большой?»

«О, господи! – спохватился на этом месте своей мысленной речи Вася. – Это похоже на показания на допросе, а не на исповедь перед врачами. Так и накаркать беду недолго, тьфу-тьфу-тьфу...

А если Вика умрет? Так что же, мне тюрьма светит? И даже если она выживет, но попадет в больницу, разговора с ментами не избежать. Тогда Яковлев вернется к Вике, а я получу неприятности, может быть, даже судимость»...

От такой мысли Василия бросило в жар, он подбежал к Вике и начал хлестать ее по щекам. Голова девушки болталась из стороны в сторону. Потом вдруг она слабо застонала и зашевелилась. У Васи отлегло от сердца.

Жива. Спит, профура.

Он сел в кресло, закинул ноги на журнальный столик и взял пачку Викиных сигарет.

Там почти ничего не осталось. «Ничего себе, дымит!» – недовольно пробормотал Вася, доставая последнюю и с наслаждением прикуривая.

Жизнь прекрасна, и впереди его ждет светлое будущее.

– Вот как все было на самом деле, – закончила свой рассказ Сусанна.

– Но какое отношение эта история имеет ко мне? Я-то здесь при чем? – спросила я.

– Да как же ты не понимаешь?! – всплеснула руками Сусанна. – Вика не оставляла попыток помириться с Яковле-

вым, а ты ей помешала.

– И вовсе я не мешала! – возмутилась я. – И вообще, мы с ней дружим.

– Вот это-то и странно. Впрочем, поступай, как знаешь.

Глава 4

«Даже звезды сталкиваются, и из их столкновений рождаются новые миры. Сегодня я знаю, что это – жизнь», – закончила я статью словами Чарли Чаплина на собственном семидесятилетии и поставила точку. Теперь можно отдохнуть и подумать о предстоящей свадьбе. Времени оставалось мало, а портниха тянула с платьем, ресторан все еще был не выбран, а Иван проявлял странное спокойствие, каждый раз отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи.

Я подошла к окну и легла животом на подоконник. В саду кто-то ходил, и мне показалось, что это Яковлев. Только я хотела его позвать, как кто-то тронул меня за плечо и раздался Викин голос:

– Ты что, уснула? Не слышишь разве, о чем я тебя спрашиваю? У меня день рождения сегодня. Не придешь – обижусь.

– Вика, не могу! – взмолилась я. – Честно! До свадьбы так мало времени, а ничего еще не сделано. Я к портнихе сегодня собиралась.

– Эгоистка, ты боишься потратить на меня два часа?! Никак от тебя не ожидала!

На глазах ее блеснули слезы.

– Ладно, – вздохнула я, – приду.

– Смотри, жду тебя ровно в семь. И Ивана с собой бери! –

уже убегая, крикнула Вика.

Улизнув пораньше с работы, я кинулась объезжать на своем автомобиле магазины. Хитрый Иван предоставил выбор подарка мне, на себя взяв только покупку букета, и теперь мне приходилось ломать голову: выбрать подарок полезный, но простой, или бесполезный, но симпатичный. В итоге я купила дизайнерскую вазу под предполагаемый Ванин букет.

Иван уже ждал у ворот, мрачно озираясь по сторонам и нервно куря. Увидев меня, быстро подошел и распахнул дверцу автомобиля.

– Что так долго? – спросил он.

– Подарок выбирала. И потом, пять минут – не опоздание.

Ничего не ответив, Иван двинулся к дому, а мне стало обидно. Никогда раньше он не позволял себе так со мной разговаривать! Если бы я знала, что ждет меня впереди...

В середине вечеринки Иван куда-то исчез, и я, скучая, вышла в сад. Узкая тропинка петляла, огибая кусты малины и крыжовника и убегая к обрыву. И там под большой раскидистой яблоней стоял, прислонившись к ее стволу спиной, Иван. Одной рукой он обнимал за талию Вику, а в глазах его была такая любовь, что земля ушла у меня из-под ног. Я повернулась и побежала, у самого дома едва не сбив с ног Сусанну.

Та увидела мое бледное лицо и сразу все поняла.

– Ты что, не знала? – изумилась она. – Да вся редакция давно в курсе!

От ее «поддержки» мне захотелось оказаться где-нибудь за тысячу миль. Я быстро села за руль и завела мотор.

– Стой! – кинулась ко мне Сусанна. – Тебе нельзя сейчас ехать, успокойся сначала!

Ее рука скользнула по стеклу захлопнувшейся за мной дверцы, я резко нажала на газ и, обдав Викину подругу песком и щебнем из-под колес, умчалась.

Скорость, на которой неслась моя старенькая «Лада», была предельной. Машины и редкие прохожие шарахались от меня, но я все давила и давила на газ. Слезы текли по щекам и капали с подбородка на новое платье.

Закончились высотные дома, потом подошли к концу дачные участки, и началась загородная трасса. Вдруг из темноты в свете фар появился маленький белый щенок. Он увидел машину и в ужасе лег, положив морду на передние лапы. «Сбить собаку – плохая примета», – успела подумать я и резко крутанула руль.

Последнее, что я успела увидеть, был длинномерный «МАЗ», мчащийся навстречу мне, а затем наступил мрак.

Как только «Лада», свернув с трассы в придорожную канаву, несколько раз перевернулась, «МАЗ» подмял шедшую за нею белую «Хонду», отшвырнул черный «Мерседес», который от удара развернулся и перегородил дорогу встречно-

му потоку, и, так и не остановившись, полетел дальше.

Причина была в том, что водитель, мужчина пятидесяти двух лет, выйдя в рейс, не успокоился после недавней ссоры с женой. Он мысленно говорил и говорил с ней, пытаясь доказать, что та не права, потом искал ей оправдание и винил в размолвке себя, а затем его охватила тоска. Шофер почувствовал вдруг, что один-одинешенек на всем белом свете. Друзья – кто ушел из жизни, кто отдалился, а дети у него так и не родились. С женой не хотели сначала заводить ребенка, а позже не получилось.

Была одна женщина, которую он очень любил. Но когда та сказала, что ждет ребенка, струсил – был тогда не готов начать все сначала. Делить квартиру с женой он не собирался – это было не в его принципах. «А вдруг и с новой женой не сложится? – думал водитель. – И куда я тогда? А ведь мне уже сорок...» И он отказался от любви. А та женщина, кажется, сделала аборт. И вот, спустя годы, ему стало тоскливо и одиноко. Он даже не призывал смерть специально – просто расхотел жить.

В небесах открылась белая дверь, и свет коснулся его души...

А «МАЗ» покатился дальше, неся смерть и сея боль на своем пути.

Ласково грело солнце, небо было безоблачным и неправдоподобно синим, а трава зеленой и сочной. Я наклонилась и

легла рядом с цветком. Нежно-сиреневый, с голубыми прожилками, он пах ванилью и мятой. Сквозь лепестки, как через тонкий китайский фарфор, был виден призрачный свет. От легкого дуновения ветерка колокольчик качнулся и зазвенел:

– Ди-а-на...

– Я в раю? – спросила я его.

Но цветок не ответил, продолжая тихонько звенеть. Постепенно его звук становился все громче и громче, превратился в шум ветра в ветвях, потом – в рокот морской волны и, наконец, загремел колокольным набатом.

Я закрыла голову руками и – полетела вниз.

Сильно болела голова, ломило все тело, и пахло чем-то неприятным. Лекарствами?

– Доктор, она пришла в себя!

Я открыла глаза. Белое пятно перед глазами медленно приобрело черты Гали Молочковой.

– Ты меня слышишь?

– Да, – попыталась сказать я, но не издала ни звука. Беззвучно открывала рот, как рыба.

– Не говори, тебе нельзя. – Галя погладила меня по руке.

Я только хотела спросить, что со мной случилось, как тело стало невесомым, и я стремительно понеслась вверх. Вокруг снова возник зеленый луг, и среди цветов, пахнущих ванилью, мне стало хорошо. По травинке покатились капель-

ка росы, я подставила ладонь, но она почему-то упала мне на щеку. Следом, одна за другой покатались капельки дождя, и мир стал складываться, словно карточный домик. Не знаю, почему, но я вдруг поняла, что мне отказано в этом светлом мире. Меня вытолкнули из него, и я опять стремительно полетела – теперь вниз, разглядывая с высоты птичьего полета больничную палату и крошечную кровать размером со спичечный коробок. «В нее совершенно точно нельзя попасть!» – с ужасом подумала я... и почувствовала под руками жесткие простыни.

– Фу, напугала. Ишь, что удумала, умирать! – пророкотал надо мной сочный баритон. – Молодая, красивая, тебе еще жить да жить! Да детей рожать... Давай, давай, девочка, выкарабкивайся, меня на крестины позовешь...

Молоденькая медсестра воткнула мне в руку иголку, пристраивая капельницу, с другой стороны капельница уже стояла, и я подумала, что, наверное, похожа на распятую бабочку. Врач, моложавый блондин с голубыми, как весеннее небо, глазами, склонился надо мной, и я почувствовала запах бергамота, сандала и табака. И еще от него веяло спокойствием и уверенностью в себе.

– Что со мной? – еле слышно прошептала я.

– А ты не помнишь?

Я подумала и отрицательно повела головой.

– А куда ехала, помнишь?

– Нет.

Доктор нахмурился. Потом озабоченно спросил:

– А как зовут тебя, помнишь?

– Да.

– А это кто? – Он указал на Молочкову, тихо стоявшую у окна.

– Галя.

– Чудесно! – обрадовался врач. – Амнезия затронула только конкретные события. И лучше их не вспоминать.

Галя навещала меня каждый день, подолгу просиживая у моей кровати. Евгений Андреевич, тот самый блондин, мой лечащий врач, приходил, даже если у него не было дежурства. Просто проверить, как я себя чувствую. Соседки по палате перемигивались и подталкивали друг друга локтями, одна я ничего не замечала, пока меня не просветила Галя.

– Да ведь Евгений Андреевич к тебе неравнодушен!

– Глупости, – заявила я.

Галя спорить не стала, сразу переведя разговор на свою полуторагодовалую дочь.

– Представляешь, собираемся вчера на улицу, я ее одеваю и между делом логопедом работаю. Говорю ей: «Алена, скажи «гулять»». Она так громко и радостно: «Булять!» Я терпеливо растолковываю: «Нет, правильно надо говорить «гу-лять»». Скажи: «гу...». Послушно повторяет: «гу...». А теперь: «лять», – говорю я. «Ляť». «Вот молодец! – восхищаюсь я своими педагогическими способностями и дочки-

ной понятливостью. «А теперь все вместе: гу-лять». И слышу: «гу-блять». «Все, – говорю, – Алена, произноси по-старому».

В этот момент дверь распахнулась, впуская пахнущего свежестью Евгения Андреевича, и Галина быстро выскользнула в коридор.

– Как наши дела? – спросил доктор. Его пальцы споро пробежали по моему телу. – Здесь болит?

– Нет.

– А здесь?

Он куда-то нажал, я ойкнула и толкнула его.

– Отлично! – почему-то обрадовался врач. – Все даже лучше, чем я ожидал. Если и дальше так пойдет, скоро разрешу вставать.

Евгений Андреевич осмотрел двух моих соседок по палате и вышел. Дверь не успела закрыться, как в нее тут же скользнула Галя.

– Слушай, как он на тебя смотрит!

– Как?

– Ты что, правда, ничего не замечаешь? Да он же влюблен в тебя!

– Галя, не выдумывай. Нормально он на меня смотрит, как на всех.

– Нет, ну вы подумайте только! – всплеснула она руками. – Разве можно быть такой слепой?

– Галя, не фантазируй, глупости говоришь. И потом, на-

верняка доктор давно и счастливо женат. Это раз. И у нас огромная разница в возрасте. Это два.

– Какая разница в возрасте? Подумаешь, пятнадцать лет. Бывает и больше. И жены у него нет, умерла три года назад, я узнавала.

– Да? – изумилась я. – Ну, ты даешь, какую бешеную деятельность развила...

– Так он мне самой нравится. Евгений Андреевич такой импозантный! – вздохнула Галина. – Вот только никого, кроме тебя, он не замечает.

Стремительно приближался момент выписки. Я с ужасом думала о том, что мне придется вернуться в пустой стылый дом, а я так не люблю жить одна. И еще о том, что теперь буду лишена общества Евгения Андреевича. Больше не будет мимолетных, но таких милых встреч и душевных бесед с ним по вечерам.

В утро выписки Евгений пригласил меня к себе в кабинет. Он подробно проинструктировал, что мне можно, а чего категорически нельзя, потом вдруг замолчал и отвернулся к окну. Молчал долго, не решаясь сказать того, чего ждала от него я, самого главного. Наконец он повернулся и, охрипнув от волнения, произнес:

– Я не могу без тебя.

И в его взгляде были любовь, нежность и обещание защиты.

Вскоре Женя взял отпуск, и мы уехали отдыхать. Мой доктор так и не решился рассказать мне обо всех событиях, которые предшествовали аварии и косвенно стали ее причиной. В редакции эту щепетильную тему тоже обходили стороной. Вика уволилась, Иван мне на глаза не попадался, и я жила в счастливом неведении.

Вспомнилось все внезапно, почти через год, теплым августовским вечером. Я торопилась домой, где меня ждали Женя и новорожденный Андрюшка, и очень нервничала. И вдруг на мокрый асфальт, ярко освещенный светом фонарей, выбежал маленький щенок. Он увидел приближающийся к нему автомобиль, замер и лег на дорогу, прижав к лапам лобастую голову. Я резко затормозила, выбежала на проезжую часть, чтобы убрать с нее щенка, и вдруг все вспомнила: тот страшный вечер, несущийся на меня «МАЗ», а также предательство Ивана и Вики – моего жениха и лучшей подруги.

Едва я вошла в дом, как Евгений понял все.

– Ты вспомнила... – не то утверждая, не то спрашивая, сказал он. И, не ожидая моего ответа, достал с верхней полки толстый медицинский справочник и из него вынул залитое кровью письмо.

«Я знаю, что виноват перед тобой, – писал в нем Иван. – Наверное, мне нет прощения...»

Ванька долго, на нескольких страницах, рассказывал, как был не прав, как жалеет о том, что потерял, вскользь, как

о чем-то несущественном, упомянул о Викиной измене и о том, что чувствовал себя пешкой в чужой игре. Затем Женья мне сообщил, что в тот день, когда было написано это письмо, стоял легкий мороз, шел мелкий морозящий дождь, покрывавший асфальт ледяной коркой. И Иван на скользкой дороге не справился с управлением, ездить медленно он не умел. Машину выкинуло под мчавшийся навстречу «КамАЗ», и Ване начисто срезало голову.

Мне стало больно. Наверное, я до сих пор любила его?

Вскоре Вика помирилась с Яковлевым и снова пришла работать в нашу редакцию. Она по-прежнему жила в квартире Ивана, как его законная жена, точнее, теперь уже вдова. Мы обходили друг друга стороной, делая вид, что между нами никогда ничего не происходило. У Вики опять были какие-то проблемы в личной жизни, но я намеренно не вдавалась в подробности. А при чьей-нибудь попытке просветить меня отвечала, что мне это безразлично.

Я чувствовала себя счастливой. Евгений оказался заботливым мужем и отцом, Андрюшка подрастал, и будущее казалось мне понятным и безоблачным.

«Восприми опасность как обещание покоя, а удачу как вестницу несчастья» – гласит одно из дзенских изречений. Оно всегда нравилось мне, но истинный его смысл до меня дошел, только когда не стало Жени.

Он умер внезапно – от остановки сердца, прямо на рабо-

те. С утра он чувствовал себя великолепно, ни на что не жаловался, и вдруг...

Я долго не могла поверить, что его больше нет.

Говорят, к нему в тот злополучный день приходила какая-то рыжеволосая девушка. Они недолго поговорили, потом Женю позвали к пациенту, умиравшему на операционном столе, а посетительница, не дождавшись его, ушла. Евгений вернулся в кабинет, выпил остывший кофе и потерял сознание. Когда его обнаружили, он уже не дышал.

Вскрытие показало наличие в организме сильного сердечного средства. К несчастью, у Евгения оказалась аллергия на этот препарат, и хотя доза была небольшой, для него она стала смертельной. Оставалось непонятным: зачем ему, никогда не жаловавшемуся на боль в сердце, понадобилось принимать лекарство? В этой истории было много неясностей, но смерть все равно списали на несчастный случай, и дело закрыли. Я же была тогда в таком состоянии, что не могла воевать.

Горе и отчаяние, навалившиеся на меня, подорвали мою веру в себя. Казалось, что все, кто становится мне близок, рано или поздно умирают, а потому я не имею права жить. Спас меня серьезный взгляд сына. С недетской мудростью малыш начал утешать меня, вытирая мои слезы своими ручонками и уговаривая потерпеть, подождать – так всегда уговаривала его я, когда он падал и ранил коленку. И мне стало стыдно. В своем эгоизме я едва не совершила подлость, едва

не предала самого дорогого мне человека – маленького сына, оставив его одного в чужом и враждебном мире.

Спустя несколько дней, гуляя с ним в парке, я встретила странную женщину. Та блаженно улыбалась, глядя на моего сына, и вдруг сказала:

– Ангелы вокруг него вьются. Божье дитя. – А потом она вдруг диким взглядом окинула меня и судорожно перекрестилась: – А вокруг тебя кресты! Кресты! Береги сына, его ангелы держат тебя!

Прошло больше года со дня смерти Евгения. Я полностью погрузилась в работу и заботы о сыне, изредка выныривая из них, чтобы наскоро оглядеться по сторонам. Галя Молочкова уволилась из редакции, и теперь за ее столом сидела Серафима Ковалева. Она была всегда сдержанна, скрытна и холодна. И даже внешне старалась подчеркнуть всякое отсутствие помыслов о мирских утехах: волосы собраны в строгий пучок, темный английский костюм и мраморная неподвижность правильного лица. Этакая богиня, далекая от земной суеты.

Ее муж, Володя Ковалев, маленький, чернявый и вертлявый, работал у нас давно. Он не пропускал ни одной юбки, из-за чего слыл дамским угодником, и был всегда весел и безмятежен, как молочный поросенок. Само собой, когда в редакции появилась Серафима, резкое несходство супругов сразу бросилось в глаза.

Я теперь часто ходила в «Тройку» и работала там, выпивая немереное количество кофе и куря одну сигарету за другой. Надо сказать, что за годы работы в редакции я стала много курить, гораздо больше, чем могла себе представить раньше, но это пока меня не беспокоило. Обычно переживать о здоровье мы начинаем только тогда, когда его уже не осталось.

В тот день я, как всегда, обедала в «Тройке».

Мужчина сел за столик напротив и, опершись подбородком на сложенные в замок руки, стал задумчиво смотреть на меня. Я делала вид, что он меня не интересуется, тщательно скрывая, что его внимание все же волнует меня. Он был высокий и статный и чем-то походил на Ричарда Гира, но дело было не в этом. Мужчина почему-то показался мне смутно знакомым, и это не давало мне покоя.

Когда он подозвал официанта и расплатился, я испытала одновременно чувство облегчения и досады. Облегчения, потому что странный человек сейчас уйдет – и я перестану думать о нем, а досады потому, что мне жгуче захотелось узнать, отчего его лицо мне кажется знакомым.

Мужчина встал и, неторопливо подойдя ко мне, положил на столик визитную карточку. «Даниил Сергеевич Соколов. Адвокат» – прочла я и вопросительно посмотрела на него.

– Пожалуйста, позвоните мне, – сказал он и быстро вышел.

Я мучилась примерно две недели. «Я знаю, ты когда-нибудь придешь, зайдешь случайно, повернув с дороги, небрежно пыль с плаща стряхнешь, случайно задержавшись на пороге...» Эти строки когда-то в юности написала я. Сейчас полудетские стихи постоянно вертелись в голове, не давая мне забыть случайную встречу. Я сопротивлялась, гнала мысли о «знакомом незнакомце» прочь, потому что давно решила – я больше не впущу в свою жизнь любовь.

Но в конце концов сдалась, уговорив себя, что мне совершенно необходима юридическая консультация. А еще, что следует непременно узнать, чего же на самом деле довольно известный в городе адвокат – я специально навела справки о Данииле Сергеевиче Соколове! – хотел от меня.

Однако, даже набирая номер его телефона, я все еще трусливо надеялась, что он не снимет трубку. Или его не окажется на месте. Но он ответил буквально после первого гудка.

Глава 5

Прошло два года. Боль от давних событий притупилась, я почти не вспоминала Ивана, а о смерти Евгения могла уже думать без слез, как вдруг жизнь вновь напомнила о них.

Приближался праздник – День журналиста. По традиции мы всем коллективом редакции собрались в ресторан. К моей большой радости Вики с нами не должно было быть – она взяла путевку на Золотые пески и собиралась провести весь отпуск в Болгарии. А раз так, можно прийти на корпоратив с Даниилом. Признаться, когда предложила ему сопровождать меня на вечеринку, ожидала услышать отказ, но он на удивление легко согласился. Мне бы задуматься, что раз все идет так гладко – это не к добру, но я ничего не заподозрила.

Разумеется, первым человеком, кого я увидела, как только мы подъехали к ресторану, оказалась Вика. Рядом с ней маячил долговязый и белобрысый Шурик – ее новый воздыхатель.

– Дан, может, не пойдем в ресторан? – тоскливо заныла я, предчувствуя недоброе.

– Почему?

– Мне расхотелось, – не очень убедительно соврала я и мрачно уставилась в окно автомобиля.

– А мне вот, представь себе, очень хочется. Имею я право, наконец, познакомиться с твоими коллегами? Или ты что-то

от меня скрываешь? – ехидно улыбнулся Дан.

– Не говори ерунды, – огрызнулась я. И снова заныла: – Ну, пожалуйста, давай лучше отправимся в другой ресторан.

– Зачем? – уперся он. А если Даниил, истинный Овен, упирается, то сдвинуть с места его невозможно. – Вон и коллеги твои собрались, смотри, как тебе рады!

Он припарковал машину, и мне ничего не оставалось, как открыть дверцу и выйти.

– Дианка, привет! – радостно кинулась ко мне Любимцева. – Мы тут решаем, куда пойти: в ресторане-то канализацию прорвало. О, да ты с мужем! А он у тебя красавчик... – кокетливо подмигнула она сильно подведенным черным карандашом глазом.

Я немножко оторопела от столь радостного приема. Вообще-то мы с Любимцевой никогда не были особо дружны, этому мешали полярные приоритеты в жизни: она обожает розовый цвет, а я его терпеть не могу.

– И что, сильно залило? – обрадовалась я, наивно надеясь, что на том вечер и закончится.

– Да кошмар! Живого места не осталось!

– Дамы и господа, – взял слово Яковлев, – сегодня на повестке дня стоит один вопрос: куда пойти отмечать наш профессиональный праздник? Не дадим осрамившемуся ресторану с его дырявой канализацией испортить нам торжество! Какие будут предложения?

– Игорь, – поежилась Серафима, – ты как на профсоюз-

ном собрании отпрапортовал.

– А давайте прямо здесь, на травке, устроимся? – жизнерадостно развел руками Ковалев, показывая на газон. – Газетки постелим, водочка, закусочка, солнышко... хорошо!

Он зажмурил глаза от предвкушения и потому не заметил, как Сима одарила его презрительным взглядом.

– Травка отменяется. Здесь на газонах сидеть запрещено. – Сусанна длинными черными ногтями подцепила из пачки дамскую сигарету и воткнула ее в четко очерченный сливовый рот.

– Сусанка, как ты можешь с таким безобразием на губах ходить? – вздохнула Любимцева. – Аж страшно на тебя смотреть – рот, как у мертвеца!

– Что поделаешь, Людмила, – Сусанна выпустила облако дыма, – кто-то впадает в розовое детство, а кто-то всегда помнит о смерти.

– И все равно, – не сдавалась Любимцева, словно не замечая провокации. – Такие губы и поцеловать-то страшно. Ты ж молодая, тебе о жизни надо думать!

– Не ссорьтесь, девочки! – К Сусанне подошла Ада и обняла ее за талию. – Кто захочет, тот все равно поцелует. Мне вот нисколько не страшно.

И она смачно чмокнула Сусанку в губы.

– Ада, размажешь... – подруга отстранилась, а Ада в ответ громко рассмеялась.

– Может быть, пойдем в другой ресторан? – обеспокоился

Агент возможным срывом всего мероприятия.

– А у меня есть предложение лучше: поехали ко мне! – громко сказала Вика. – Квартира большая, все поместимся.

«Ну уж конечно, – ядовито подумала я, – квартира Ивана, которая перешла к тебе по наследству, вполне подходящий полигон: места много, посуды тоже хватает».

Я торопливо потянула Дана за рукав.

– Данюша, что-то мне уже не хочется ничего праздновать. Поедем домой, а? Я твоих любимых творожных пончиков пожарю...

Он с удивлением оглянулся:

– С чего вдруг тебе домой захотелось? И, главное, именно тогда, когда я сгораю от нетерпения познакомиться с твоими друзьями.

– Но...

– Нет, я сказал.

Я стихла и насупилась.

Вика тем временем уже бойко ворковала по телефону.

– Поросенок? Горячий? Это здорово! Михасик, я тебя обожаю, скоро будем!

– Мальчики за водкой, девочки за закуской, – тем временем распоряжался Яковлев.

– Отменяется! – скомандовала Вика. – Сначала едем за поросенком, а все остальное купим возле моего дома, там рядом супермаркет.

Любимцева засуетилась:

– Адочка, у вас в машине для меня место найдется?

– Конечно, Людмила Анатольевна, садитесь. Сусанна подвинется.

– Не подвинушь, – буркнула Сусанка, обиженная критикой своей помады, но все-таки пересела.

– Очаровательная, ты поедешь со мной, – обратился Вася Смирнов к внештатнице Светлане, прозванной Очаровашкой за манеру во время разговора томно закатывать глаза. Девушка заочно училась на журфаке и подрабатывала сразу в нескольких газетах, но основную массу времени предпочитала торчать у нас в редакции и уже стала как своя.

Очаровашка покраснела и застучала каблучками следом за вальяжно шедшим Василием. Как только она, изящно придержав коротенькую юбочку, села на переднее сиденье его машины, фотограф газанул и круто развернулся, едва не задев стоявшую на обочине старушку. Та отшатнулась и погрозила вслед машине сухоньким кулачком.

Проводив их взглядом, Вика презрительно скривилась и гаркнула на Яковлева:

– Игорь, сколько тебя можно ждать? Садись на заднее сиденье. Шурик, поехали!

Игорь Семенович торопливо выкинул только что прикуренную сигарету и беспрекословно полез в «Ладу» Шурика. Тот недовольно скривился. Он терпеть не мог, когда его называли Шуриком, да еще прилюдно. Будучи лейтенантом ФСБ, парень страшно этим гордился и предпочитал, чтобы

к нему обращались не иначе как Александр Викторович.

– Кто не знает куда, поезжайте строго за нами! – крикнула Вика, и они умчались.

Мы тронулись следом.

Первая остановка была у ресторана, где нас уже ждал его хозяин Михаил. Выкупив убыточное кафе несколько лет назад, он стилизовал его под старинную таверну и сделал ставку на незатейливую народную кухню. Вика, как раз начинавшая тогда подрабатывать рекламными статьями в газете и репортажами на местном телевидении, с рвением взялась за дело, и вскоре название «У корчмаря» не знал в городе разве только ленивый или житель дальней деревеньки, из-за отсутствия электричества никогда не смотревший телевизора и не читавший газет. В благодарность за рекламу Вика почти год обедала у Михаила бесплатно, да и после он всячески старался оказывать ей знаки внимания.

Сейчас, увидев Вику, Миша заторопился к ней навстречу, подал руку, помогая выйти из автомобиля, и они скрылись в недрах таверны. Отсутствовала Вика довольно долго, и я не удержалась, чтобы не использовать паузу в своих интересах.

– Как есть хочется... – тоскливо протянула я, с надеждой глядя на Даниила. – А еще не скоро придется. Пока овощи нарежем...

– Это недолго.

– Салаты пока сделаем...

– Купим готовые.

– Фу, – скривилась я.

– Почему «фу»? А раньше, помнится, тебе они нравились.

И тут Вика вынырнула из ресторана с аппетитным коричнево-золотистым поросенком в руках, остро пахнущим тямьяном, майораном и кинзой, и разговор завял сам собой.

Через час все радостно высаживались на стоянке перед Викиным домом. Как ни странно, Вася с Очаровашкой нас не ждали, хотя и уехали раньше всех. Их не было ни около Мишиной таверны, ни в супермаркете. Но едва мы подошли к подъезду, как показался Васин автомобиль, и Вика приостановилась.

– Вы как всегда, – ехидно прокомментировала она появление коллег. – Вам бы только жрать, а работают пусть другие.

Светлана, и так выглядевшая невеселой, совсем упала духом, а Вася ехидно ухмыльнулся:

– Так вы и без нас хорошо справились, чего всем стадом толпиться...

Вика вскипела, но ответить ничего не успела, потому что подлетела радостная Любимцева, задержавшаяся в магазине, и затарахтела:

– Вискочка, я готова к труду и обороне! Что мне доверят?

– Картошку чистить, – сквозь зубы процедила Вика, – что тебе еще можно доверить?

Но Любимцева отличалась хорошим душевным здоро-

вьем и никогда не обижалась.

Лифт, как водится, не работал. Чертыхаясь и проклиная все на свете, мы растянулись по подъезду, как караван верблюдов по Сахаре. Впереди шли самые выносливые и спортивные, последней, охая и кряхтя, плелась Любимцева. На четвертом этаже она остановилась, тяжело дыша, и махнула рукой:

– Не ждите, идите дальше без меня!

– Самоотверженно прикрыла собой тылы, – хихикнула Сусанна.

– Тылы устали и застряли, не долетев три этажа, – на мотив «Усталой подлодки» с серьезным видом спел Агент.

– Я все слышу! – крикнула снизу Любимцева. – Назло вам начну бегать по утрам.

– Давно пора, – отозвался Агент.

Вика открыла дверь, Шурик вошел и, включив в прихожей свет, понес на кухню поросенка. Сумки с продуктами сгрузили на столик у порога, и мужчины сразу, видно приотмившись, отправились на балкон курить. Женщины в соответствии с доброй русской традицией двинулись на кухню. Следом за нами прибежала запыхавшаяся Любимцева и, чтобы не быть в аутсайдерах, тут же схватилась за фартук. А может, просто сильно проголодалась. Людмила вооружилась картофелечисткой и запела в такт падающим в ведро очисткам:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой!
Там, в краю далеком,
Буду тебе женой.

– Ой, Люда, – потрясла головой Серафима, будто отгоняя назойливую муху, – тебе медведь на ухо наступил.

– Слон, – уточнила Сусанна.

– Наступил, – радостно согласилась Любимцева, – но петть я все равно люблю. Так бы целыми днями и пела!

Я меланхолично нарезала на блюдо огурцы и помидоры, украсила все веточками зелени и вручила Светлане, сидевшей у стены как пай-девочка, сложив руки и глядя на нашу возню невинными голубыми глазами:

– На, неси на стол.

Очаровашка с готовностью упорхнула и довольно быстро вернулась.

– Еще есть, что нести?

– Есть. – Серафима сунула ей в руки тарелку с колбасой. – Скажи Вике, пусть придет, найдет мне терку. Сыр натереть надо.

Светлана ушла и отсутствовала так долго, что я даже забыла, куда ее посылала Серафима. Поэтому, когда Очаровашка вновь влетела в кухню, я вздрогнула от неожиданности. Тем более что она радостно объявила:

– А ее там нет!

– Кого нет? Терки? – переспросила Серафима.

– Вики.

Я почувствовала укол в сердце – вот оно, началось – и сказала, что пойду поищу хозяйку. И нашла. В дальней комнате. Это была, вероятно, Викина спальня. Даниил сидел за столом, рассматривая альбом с фотографиями, а «сладкая девочка» откровенно обольщала моего мужа, кокетничала, томно закатывая глаза, поводя плечиком и наклоняясь так, что ее пышный бюст почти касался носа моего мужа.

Я прислонилась к дверному косяку, почувствовав слабость в ногах. И тут Вика подняла голову и невинно спросила:

– Что случилось?

– Ничего. Кроме того, что вас все ждут.

– Да, действительно, нехорошо получается. Давайте, Вика, продолжим наш разговор немного позже. – Даниил встал, а я, не ожидая, когда он подойдет ко мне, вернулась на кухню.

Голова у меня гудела, как после нокдауна. Я механически протянула руку к пачке сигарет, лежавшей на окне, достала одну и трясущимися руками прикурила.

– Ты ж вроде бросила? – удивилась Сусанна.

– Опять начала, – рассеянно ответила я. И тут увидела в руках Серафимы терку. – Ой, прости, совсем забыла, за чем ходила, – виновато произнесла я.

– Ничего, я сама нашла, – сказала она.

Сима натерла сыр, выдавила туда чеснок и, положив сметаны, начала мешать.

– Жадно куришь, будто с голодухи. Что-то случилось?

– Нет, – мотнула я головой. – Я тут чью-то сигарету без спросу стащила.

– Травись, не жалко, – откликнулась Сусанна и выпустила очередной клуб дыма в окно. – Так что там произошло? Ты сама не своя.

– Ерунда. Вялотекущая шизофрения.

– А, – кивнула она, – это не страшно. У нас она у всех. Течет.

Мы наконец сели за стол и заработали столовыми приборами. Есть мне совершенно расхотелось, и я только вялоковыряла вилкой салат.

– Ты почему не ешь? – повернулся ко мне Даниил. – Не нравится? Может быть, тебе рыбы положить?

– Не хочу, – поморщилась я.

– Что значит «не хочу»?! – искренне изумился он.

Никогда не страдавший отсутствием аппетита, мой супруг абсолютно не понимал, как можно добровольно отказываться от еды.

– Это значит – не буду.

– Еще чего! – пробормотал Даниил и с усердием, достойным лучшего применения, накидал мне в тарелку всего, что нашел на столе. – Ешь!

– Дан, ну что ты делаешь? – заныла я.

– Какой красивый поросенок! – вдруг воскликнула Любимцева. – Помнится, на Новый год такой же был. Это не он, случайно?

Вика сразу поняла ее намек – новогоднего поросенка так и не попробовали из-за ее ссоры с Яковлевым. Скандал тогда разгорелся не на шутку, дошло до метания друг в друга посудой, и гости предпочли тихо ретироваться.

– Он, – кивнула Вика.

– Так ты бы хоть банан сменила, что ли... Вот этот, который под хвостом торчит. А можно и тот, что изо рта.

– Да чего менять, все равно это муляжи, – буркнула Вика.

– Правда?! – простодушно изумилась Светлана и дернула один банан. Пальцы провалились в спелую мякоть.

– Ты его еще за пяточок укуси для чистоты эксперимента, – съязвила Серафима.

Ее раздражало, что Ковалев не спускает глаз с юной престлестницы, и она не сдержала эмоций.

Между тем Яковлев разлил спиртное и, взяв рюмку в руку, поднялся. Тут же вскочил и Шурик.

– Разрешите мне, – оттеснил бравый лейтенант Яковлева. – Как хозяину дома, так сказать.

Игорь Семенович недобро посмотрел на него и поморщился.

– Поскольку в основном, – поднял бокал с шампанским Шурик, – здесь собрались работники пера...

– И топора, – вставил Яковлев.

Шурик зыркнул на него злым глазом и, ожидая очередного подвоха, поторопился закончить тост:

– Я предлагаю выпить за них!

– За оборзевателей и рекоспондентов! Ура, товарищи! – закончил Яковлев.

У Шурика заиграли желваки на лице. Не дожидаясь, пока он сцепится с Яковлевым, Любимцева вскочила и рявкнула:

– Так выпьем же за нас! За четвертую власть!

Все чокнулись, выпили и заработали вилками.

– Людочка, как ты в Белокаменную съездила? – спросила Серафима, меланхолично наблюдая, как Яковлев и Шурик наперебой подкладывают на тарелку Вики лучшие куски, а та поочередно кормит обоих поклонников – протягивает им иссиня-черные мясистые оливки кончиками пальцев. Мужчины снимали их губами. Все это походило на кормежку зверей в зоопарке и смотрелось глупо и смешно.

Любимцева поправила розовые цветочки-заколочки в выжженных перекисью волосах и мечтательно произнесла:

– Ой, хорошо съездила, Сима...

– Так Расскажи, что было, что видела, – попросила та.

– Слушай, история со мной одна произошла... цирк, да и только! – Любимцева с хрустом закусил соленым огурчиком и продолжила: – Представляешь, прогуливаюсь по Москве и вдруг набредаю на фешенебельный бутик. А там объявление: «Сегодня у нас распродажа, все товары по сниженным

ценам, скидки – 50 процентов!» Конечно, я вошла. Смотрю, а там белье – просто отпад. И цены вполне приемлемые: сто, двести, самое дорогое – четыреста. Глянула в кошелек – почти две тысячи еще есть. Ну, я на радостях набрала и себе, и дочери, и сестре. Подхожу к кассе, а там выясняется, что цены-то – в долларах. А я, растяпа, думала, что в рублях. Чуть со стыда не сгорела! Жалко, конечно, уже размечталась перед молодым любовником в красивом белье покрасоваться...

– И что, ты так ничего и не купила? – огорчилась за нее Светлана.

– Господи, ты что, считать не умеешь?! – воскликнула Ковалева. – Цены были в долларах! У нее даже на одни приличные трусы не хватало!

Глаза у Светланы округлились, и она замерла, не в силах переварить услышанное. Стоимость белья размером в ее месячную зарплату поражала воображение. А потом Очаровашка заметила:

– Не очень-то умно за фирму переплачивать, у нас на рынке не хуже можно купить.

Светлане было восемнадцать, мама ее работала библиотекарем, а папаша давным-давно исчез, оставив о себе лишь смутные воспоминания. И поскольку собственных мыслей у Светы еще было мало, то сейчас, надо полагать, она озвучила точку зрения своей маменьки, вызвав минуту напряженной тишины.

– Ой, анекдот новый слышала, очень мне понравился! – прервала паузу Любимцева.

– Рассказывай, – оживилась Вика.

– Два старых еврея прогуливаются по одесской набережной... – начала Людмила.

– Слышали уже, – перебил ее Яковлев. – Чего это тебя на национальную тему потянуло?

– И сколько лет знатоку анекдотов? – понимающе подмигнул Ковалев.

– Двадцать шесть, – явно испытывая удовольствие от самого факта, просветила общественность Людмила Анатольевна.

– Вика, передай мне, пожалуйста, селедочку под шубой, – растянул в улыбке губы Вася. Глаза же фотографа при этом оставались серьезными, что производило неприятное впечатление.

Вика молча подвинула к нему селедочницу.

– Правда, Вика у нас в редакции самая красивая девушка? – ухмыльнулся Вася, повернувшись к Даниилу.

У Дана от такой бесцеремонности вытянулось лицо.

– Для меня самая красивая – моя жена, – галантно выкрутился он, заставив меня от досады прикусить язык, чтоб не ляпнуть что-нибудь скандальное. Дану ужасно не нравится, когда я опускаюсь до базарного этикета.

Собственно говоря, мне много и не надо. Убрал бы он из своей речи всего два слова: «для меня», и я была бы полно-

стью удовлетворена. Не потому, что считаю себя самой красивой, а потому что ответ должен быть равноценным вопросу.

В этот момент мне вдруг показалось, что Вася что-то быстро шепнул Вике, после чего та дернулась и сбила на пол салатницу с «оливье». Не знаю, было ли жалко Васе салат или посуду, но Вику он пожалел.

– Ничего, ничего, дорогая, – дружески потрепал он ее по плечу, – с кем не бывает.

Вика резко сбросила его руку и, в сердцах швырнув scom-канную салфетку на тарелку, вышла. Следом за ней подорвался Шурик.

– Ой-ей, побежал утешать, – прокомментировал Василий. – Футы-нуты, нервные мы какие!

Он делано рассмеялся и, развязно взяв за руку Светлану, притянул ее к себе. Очаровашка покорно прильнула к нему, восторженно глядя на него голубенькими глазками из-под реденькой беленькой челки. И тут же предложила:

– Потанцуем?

– Музыка слишком тихая, – отмахнулся он.

– Я сейчас сделаю громче! – сказала Света.

Девушка побежала к магнитофону, Смирнов, проводив ее ироничным взглядом, повернулся к Яковлеву и процедил:

– Пойду, воздухом подышу. Душно что-то. – И он вышел.

Света сникла, руки ее безвольно опустились, и тут любвеобильное сердце Ковалева не выдержало. Он взял ее за та-

лию и повел танцевать.

Танцевать Владимир любил. Вытащив Светлану на свободное место и убрав лишние стулья, он принялся усиленно демонстрировать свое мастерство, виляя бедрами и выворачивая ноги. Когда-то в детстве он учился бальным танцам и с тех пор считал себя непревзойденным танцором.

Серафима этого зрелища не оценила. Окинув мужа ироничным взглядом, поднялась и, громко хлопнув дверью, вышла, но он танцевать не перестал. Однако, как только музыка смолкла, Ковалев бросился следом за Серафимой, оставив Светлану стоять посреди комнаты.

Девушка растерянно смотрела на закрывшуюся дверь и кусала губы. Казалось, она вот-вот расплчется, и Яковлев не выдержал.

– Садись, очаровательная, выпьем за любовь, – сказал он.

Игорь Семенович быстро налил водки и придвинул одну рюмку Светлане. Они чокнулись, выпили на брудершафт и закусили кабачковой икрой. Икра стояла ближе всего, а Яковлеву лень было тянуться за чем-либо другим. Светлана же впала в тихую задумчивость и ела с безгловым равнодушием.

Глава 6

Смесь в нашей компании получалась взрывоопасная: Яковлев, много лет влюбленный в Вику и прощавший ей все или почти все, Вася, судя по всему так до конца и не смилившийся со своей отставкой и временами пытавшийся вернуть расположение Вики, и Шурик, птица неясного полета, этакий «щегол», как метко окрестила бравого лейтенанта, впервые его увидев, Любимцева.

Из-за закрытой двери слышались невнятные возбужденные голоса, я прислушалась, от напряжения вытянув шею, и встала.

– Ты куда? – цапнул меня за руку Даниил.

Он прекрасно знал, что я любопытна и люблю совать нос не в свои дела, и ему это не нравилось.

– Водички попить, – испуганно соврала я.

Дан молча плеснул минералки в стакан и подал мне.

Пить мне совершенно не хотелось. Но чтобы проницательный Дан не заметил этого, я с жадностью отхлебнула – и тут же поперхнулась. Противная вода попала не в то горло, я закашлялась, слезы брызнули из глаз.

Муж вскочил и что есть силы двинул меня по спине.

– Ты что?! – я сразу обрела способность говорить. – Больно же! Теперь будет синяк!

– Слава богу, жива. – Даниил с выражением облегчения

рухнул обратно на диван и налил себе воды. – Мне показалось, что будет как в тот раз.

Когда мы только начали жить вместе, к нам пришла мама Даниила с огромным арбузом в подарок. Мы ели его на заливной солнцем кухне, оживленно болтали и все время смеялись. Вдруг я поняла, что не могу дышать. Сладкий сок перекрыл дыхательное горло, от испуга у меня возник спазм, и я почувствовала: еще минута – и все. Причем я не могу ничего сказать, не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть и даже кашлянуть, потому что воздуха в легких почти не осталось.

К счастью, мама Даниила, астматик со стажем, догадалась, что со мной происходит. Она вскочила, и, набрав в стакан из-под крана горячей воды, влила мне ее в рот. Спазм прошел, я шумно вдохнула и закашлялась. Кашляла очень долго, отчего горло долго саднило, а голос охрип.

Даниил потом долго прикидывал, что еще можно сделать, если человек задыхается.

– Пробить горло ножом и вставить дыхательную трубку. Любую, хоть носик чайника, – разозлилась однажды я. – Это знают даже дети.

– Ты шутишь? – возмутился Дан.

– Абсолютно серьезно.

– Я бы не смог.

– И получил бы в результате труп. Пока приехала «Скорая», уже некого было бы спасать.

К единому решению мы тогда не пришли, малодушно сой-

дьясь на том, что лучше бы подобного никогда не происходило.

Сейчас я подергала плечами, ощущая боль от «нежного» мужниного удара, и ехидно прошипела:

– Между прочим, по последним данным, стучать в таких случаях по спине не только не полезно, но даже опасно.

– Почему? А меня в детстве всегда по спине хлопали.

– Вот и неправильно, что тебя хлопали. Инеродное тело от удара может сместиться еще дальше в дыхательное горло, поэтому нужно обхватить руками поперхнувшегося человека за грудь и резко поднять.

– Глупости, – фыркнул Дан, – никогда с подобным не встречался. Уж я бы знал.

Я покосилась на него, подозревая, что муж просто разыгрывает меня, и, уловив легкую ухмылку, промелькнувшую на мгновение на его лице, обиделась. Поэтому, не ответив, пошла к двери.

– Э, ты куда? – вскочил Даниил.

– Тушь от твоего удара потекла, надо поправить, – мстительно прищурившись, заявила я.

– У тебя ж водостойкая!

– И, слава богу, иначе бы поправлять нечего было!

Дан порывался пойти за мной, но в этот момент в него вцепился мертвой хваткой Агент, решивший вдруг проконсультроваться по поводу получения бабушкиного наслед-

ства. Я услышала, как Даниил начал перечислять вероятные подводные камни, и быстренько вышла.

Забавно было ходить по квартире, где я когда-то жила. Судя по всему, Вика не большая охотница до капитальных ремонтов, здесь почти ничего не изменилось. Вон даже картина, которую Иван когда-то купил для меня на Арбате, по-прежнему висит на своем месте. Я сразу ее узнала – девушка рвется ввысь, мечтая взлететь и рискуя при этом разбиться, а на лице ее написаны ожидание счастья и наивная вера в совершенство мира.

От нахлынувших воспоминаний защипало в носу, я вернулась к двери и закрыла ее. Еще не хватало, чтобы кто-то застал меня тут льющей слезы! У нас в редакции работают хорошие люди, но они не упустят случая позлословить о ближнем. И почему Вика не избавилась от этой картины? Наверное, просто не знала, что она была куплена для меня. Но еще более странно, что Иван, собирая мои вещи, оставил картину себе. Забыл? Обычно он ничего не забывал. Я потешила себя иллюзией, что он все-таки любил меня и оставил ее на память.

Вдруг в коридоре слышались шаги, и кто-то замер прямо около двери. Потом раздался осторожный стук.

Вздвогнув, будто меня застигли за чем-то неприличным, я бросилась к потайной двери, замаскированной под книжный шкаф, и нажала кнопку. Створка бесшумно раскрылась, я

нырнула в кабинет и там затихла.

– Что тебе нужно? – донесся до меня женский голос.

И тут проснулся кот Федот, спавший в кабинете на диване, подошел ко мне и начал громко мурлыкать, мешая мне шпионить.

– А ты не догадываешься? – ответил на вопрос мужчина. – Бедная маленькая девочка, плохой дядя чего-то от нее хочет, а она не понимает...

– Урод.

– От уродицы слышу. Тебе придется мне дать.

Что ответила женщина, мне разобрать не удалось, потому что в этот момент кот истерически замаяукал, требуя ласки.

– Тсс, тише, киса, – прижала я палец к губам.

Существо независимое и строптивое, Федот тем не менее питал любовь к женщинам и ластился к ним, а к мужчинам испытывал необъяснимую ненависть, норовя укусь или расцарапать. Потому каждый раз перед приходом гостей Вика запирала своего питомца в кабинете.

Человек по ту сторону двери шкафа тоже услышал Федотовы вопли и повернул ручку, собираясь войти. Я опрометью бросилась к другому выходу из кабинета, радуясь, что замок в потайной дверце заело и он не открывается. Только оказавшись в узком коридорчике между кабинетом и ванной, я перевела дух. Неторопливо, делая вид, что просто гуляю, вошла в ванную, открыла кран и, обильно намылив руки, смыла пену водой и вышла в коридор. Неожиданно туда чуть ли

не вползла Светлана, сдавленно пробормотав:

– Что-то мне нехорошо... Совсем плохо стало...

– Да, паршиво выглядишь, – разглядывая ее, сказала я. – Не стоило устраивать соревнование с Яковлевым, кто больше выпьет. Все равно ему в этом деле нет равных.

– Ничего я не устраивала...

И тут я истерически заорала. Дело в том, что в огромном, во всю стену зеркале я увидела, как кто-то падает с балкона кухни. Успела заметить край рубашки веселой расцветки и светлые брюки, из чего сделала вывод, что это Вася.

– И-и... – тоненько завизжала Светлана, испуганная моим воплем.

Все, кто был в гостиной, вылетели в коридор и уставились на меня. Даниил бросился ко мне и начал тормозить, повторяя:

– Что? Что такое?

– Ничего! Да не тряси ты меня! – разозлилась я.

– Кричала чего?

– Там, кажется, Вася упал...

Вся толпа кинулась на балкон, рискуя его обрушить. Я опасливо двинулась следом, прикидывая, выдержит старый балкон или нет, а то, может, и не стоит на него заходить. Но любопытство пересилило, и я, растолкав Аду и Сусанку, влезла между ними и глянула вниз. Там, нелепо подогнув ногу и откинув руку, лежал Вася Смирнов.

«Скорая помощь» еще только завывала где-то вдали, а во двор уже въезжал милицейский «уазик». Вот так всегда, милиция впереди, а «Скорая» последняя. Лучше бы было наоборот. Хотя, судя по Васиной позе, в медицинской помощи фотограф вряд ли нуждается.

Однако какие бдительные у нас граждане... Прямо испытываешь чувство гордости за наш народ! Мы только на балкон успели выскочить, а какой-то очевидец Васиного полета уже успел милицию вызвать.

– Отлетался, голубь, – вздохнула Ковалева.

– Боже, какой кошмар! – прошептала Сусанна, дрожащими руками елозя по карманам в поисках сигарет.

– Они на кухне, – подсказала я, и руки ее замерли, где были.

– А что случилось? – последней на балконе появилась зеленая после общения с унитазом Светлана.

Ей никто не ответил. Вика стояла бледная, как стена, и только чуть-чуть отличалась по цвету лица от Светланы. Да это можно понять: теперь, как хозяйку квартиры, ее по допросам затаскают, особенно, если окажется, что Вася не сам с балкона свалился. Кстати, люди с таким характером, как у Василия, добровольно из жизни не уходят.

Где-то вдалеке раздалась трель дверного звонка, и я не сразу сообразила, что звонят именно к нам. Потом в коридоре послышались шаркающие шаги – видно, Любимцева шла открывать. Интересно, почему она не выбежала со всеми, ко-

гда я заорала? Вероятно, задремала. Ей, наверное, молодой любовник по ночам спать не дает, вот она и ходит полусонная. Не могу понять, где она их находит и что парней в ней привлекает, таких молодых? Выглядит Людмила старше своих лет, бедна, как церковная мышь. Конечно, старый конь борозды не портит, но так то ж конь... Или эта поговорка касается непарнокопытных обоюбого пола?

Вскоре у балконной двери появилась Любимцева с милиционером, скромно державшимся в ее тени. Пока она удивленно хлопала глазами, пытаясь догадаться, чего все на балконе торчат, милиционер, отодвинув ее в сторону и вышел вперед.

– Добрый вечер. Разрешите представиться: оперуполномоченный уголовного розыска, капитан милиции Олег Ефимов.

– А по отчеству? – почему-то заинтересовалась Ковалева.

– Валентинович. Попрошу не расходиться, мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Да что случилось-то? – Людмила Анатольевна вытаращила глаза и нервно сглотнула.

Повисла тишина. Наконец, я не выдержала и просветила ее:

– Вася с балкона упал.

– Ах! – вздохнула Любимцева, хватаясь за сердце и оседая.

Ефимов увидел меня и вдруг покрылся красными пятна-

ми.

– Попрошу хозяйку квартиры выделить место для проведения опроса присутствующих, – буркнул он и почему-то повернулся ко мне.

– Хозяйка – я. – Вика убрала волосы с лица и показала рукой в сторону двери-шкафа: – Можно пройти сюда.

Мой муж страдает профессиональной болезнью сыщиков – излишней подозрительностью. Поскольку с переходом из оперов в адвокаты объектов для слежки у него стало меньше, изрядная доля усилий Даниила сосредоточилась на мне. Сейчас от него не укрылась странная реакция капитана Ефимова, и он принялся сверлить меня взглядом. Я пожала плечами и вытаращила глаза, что должно было означать: «А я откуда знаю!» Судя по его виду, Дан мне не поверил. И правильно – потому что с Олежкой мы учились в одной школе и он когда-то был в меня влюблен.

Вика прошла к потайной двери, нажала на кнопку, и створка повернулась. Ефимов быстро вошел в кабинет и тут же от неожиданности вскрикнул, замахал руками, пытаясь сбросить с себя шипящую и плюющуюся тварь – кота Федота. Но не тут-то было! Голодный и злой Федот с удовольствием вымещал на капитане гнев и ненависть к мужчинам.

– Снимите его с меня! – взмолился опер, когда Федот споро перебрался ему на спину.

Вика очнулась и, оторвав лапы кота от капитанской спины, запихнула питомца в кладовку. Кот взвыл.

– Какая, однако, мужененавистническая тварь... – хмыкнул Ковалев, поеживаясь. – Интересно, кто из Викиных мужей ему так насолил, что кот теперь всех мужчин ненавидит?

Капитан Ефимов прижимал к царапине на щеке носовой платок, воротничок форменной рубашки уже был испачкан.

– Надо кровь остановить, – заволновалась Серафима. – Вика, у тебя есть перекись водорода?

– Да.

Хозяйка дома, как робот, повернулась и молча пошла на кухню. Все гуськом потянулись следом.

– Только она концентрированная, разбавить водой нужно, чтоб не было ожога, – предупредила Вика, доставая флакон из шкафчика на стене.

Серафима торопливо плеснула в склянку перекиси, добавила воды и, смочив ватку, обработала царапины на шее и щеке Олега.

– Спасибо! – Капитан повернулся и с такой искренней благодарностью посмотрел на Серафиму, что та даже порозовела.

– У вас рубашка в крови, – неожиданно робко заметила она. – Может быть, вы ее снимете, а я постираю?

Олег замялся, явно испытывая неловкость от того, что останется при исполнении практически в неглиже, и тут его подтолкнула к решению Любимцева:

– Снимайте, снимайте! В машинке отождем, и рубашка быстро высохнет. Вон на улице жара какая! Вика, дай това-

рищу капитану что-нибудь надеть.

Вика меланхолично прошла к шкафу и достала из него махровый мужской халат. Шурик поморщился, но ничего не сказал. Вскоре рубашка болталась на балконе, пришпиленная желтыми прищепками, а капитан сидел за столом в кабинете в роскошном темно-бордовом халате. Закончив писать, он прошел в столовую, где, как овцы на заклание, сгрудились претенденты в подозреваемые, и громко спросил:

– Кто-нибудь желает высказаться первым?

Все промолчали. Капитан подумал и указал на Вику:

– Давайте-ка начнем с вас.

Хозяйка безропотно встала, а остальные тут же расслабились, зашевелились, будто им дали команду «вольно». Агент, как вечно самый голодный, тут же набросился на поросенка, откромсал кусок мяса и, шмякнув его в тарелку, обильно намазал горчицей и хреном. Даниил, наблюдавший за ним из-под полуопущенных век, устало закрыл глаза и, судя по всему, собрался немного вздремнуть. Одной из отличительных черт моего мужа была способность засыпать где только можно и на любой нужный ему срок. То есть он засыпал моментально, будто его выключали, и так же просыпался. У меня ничего подобного не получалось.

– Черт возьми, есть в этом доме нормальная зажигалка? – Сусанка в сердцах запустила в стенку неисправным огнивом.

Даниил приоткрыл один глаз. Игорь Семенович дернулся и, пролив водку, с сожалением посмотрел на стол.

– Не нервничай, душа моя, – Яковлев достал из кармана зажигалку и склонился к Сусанне, давая ей прикурить, – все пройдет.

– Что-то Вики долго нет, – пробормотал Шурик, вытирая со лба пот.

Нервничает. Ну, еще бы! Ему, сотруднику ФСБ, оказаться замешанным в скверной истории, это вам не пустячок. Могут и неприятности на службе возникнуть. Как минимум. А то и в запас в лейтенантском звании может отправиться.

В дверях, наконец, появилась Вика. Она задержалась на мгновение, окинув столовую рассеянным взглядом, и прошла в самый дальний угол, будто отгородившись от всех.

– Ну, что он спрашивал? – бросился к ней Шурик.

– Ах, отстань, – нервно отмахнулась от него Вика, – сейчас сам узнаешь.

Игорь Семенович оторвал нос от рюмки и кивнул, издав что-то вроде довольного криканин.

– Да-а-а...

– Что «да»? Чему ты радуешься? – зло вскинулась Вика. – Ты тоже сейчас пойдешь показания давать. А где ты, интересно, был, когда Вася упал?

– Так, душа моя, я курить в подъезд выходил, – вытаращил глаза Игорь Семенович, не ожидавший вероломного нападения от любимой женщины.

Повисла тишина. Все мысленно взвешивали вероятность того, что именно Игорь помог Васе упасть с балкона. Ну, из

ревности, например. Чем не повод?

– Вы чего? Вы чего, а? – завертел головой Яковлев, вглядываясь в лица коллег.

Любимцева фыркнула и отвернулась, Ада сразу принялась ковырять кусок мяса вилкой, Светлана нервно захихикала, потом громко икнула и загрустила.

Лицо Яковлева пошло пятнами. Он судорожно сглотнул, напрягая память, и вдруг облегченно рассмеялся:

– Так меня ж сосед сверху видел! Он как раз с ведром выходил!

– Ведро пустое было или полное? – подала голос Сусанна, уставившись на Яковлева немигающим взглядом.

– П-пустое, – заикаясь, пробормотал Игорь Семенович. – А что?

– Пусто будет.

Игорь Семенович обмяк и как-то весь съежился.

– Ой, мамочки-и, – всхлипнула Светлана. И вдруг по-бабы запричитала: – Ой, что же теперь буде-е-ет...

Серафима повернулась к мужу и зло прошипела:

– Говорила тебе, дома надо было оставаться. Нет, заладил: «Пойдем да пойдем. Все наши соберутся, неудобно». Ну что, теперь тебе удобно? Я всегда знала, что в редакции не все ладно. Но чтоб такое!

– Сима, не надо, дома поговорим.

– Дома? А где он, наш дом? Может, здесь? Теперь тут и будем жить. Во всяком случае, заночуем точно. В этой от-

вратительной квартире!

– Больно вы мне здесь нужны, – огрызнулась Вика, выходя из комнаты.

Следом за ней, стараясь не привлекать к себе внимания, выскользнула Сусанна. Но едва за ними закрылась дверь, как тут же и распахнулась, впустив свежеопрошенного Агента. Он улыбался и вообще чувствовал себя, похоже, великолепно.

– Мадам Диана, господин капитан вас просили, – манерно доложил он.

Даниил тут же проснулся и проводил меня встревоженным взглядом.

«Господин капитан» сидел спиной к окну и что-то писал. Я вздохнула. Ну почему я должна сидеть лицом к свету? Очень уж не хочется увидеть разочарование в глазах давнего знакомого. Скорей бы стемнело: при искусственном освещении я выгляжу очень даже ничего. Олег оторвался, наконец, от бумаг и с чувством произнес:

– Здравствуй, Дина!

Когда-то мы с Олежкой учились в одной школе, он был младше меня и казался мне совершеннейшим ребенком. Ефимов же, по настойчивым школьным сплетням, упорно вздыхал по мне. Надо сказать, что Олег всегда был очень хорош собой, и мне его внимание льстило, но не более того – разница в возрасте казалась непреодолимым препятствием.

Мы и говорили-то с ним всего пару раз. Или, может, чуть больше. Потом он уехал из города – учиться, а я вышла замуж.

– Здравствуй, Олег, – сказала я. – Ты так изменился, возмужал, прямо не узнать!

– А ты все та же, только косы нет.

Комплименты я люблю, грешна. Заметив в его глазах прежний огонек, не удержалась от соблазна, чтобы чуть-чуть не похулиганить. Выпрямилась, слегка откинувшись и прогнувшись в спине, и сложила ноги так, что они соблазнительно показались в разрезе юбки. Олег скользнул по ним взглядом и порозовел.

– Я не прав! Ты не та же, а стала еще прекраснее!

Не знаю, насколько он был искренен, но надеюсь, допрос с пристрастием теперь мне не грозит.

– Спасибо, – по-королевски кивнула я. – А ты давно в городе? Говорят, ты уезжал.

– И даже не один раз, – вздохнул Ефимов. – Знаешь, я раньше по-детски мечтал: вот вернусь, и мы с тобой наконец поговорим. А когда возвращался, всякий раз оказывалось, что ты опять замужем. Сейчас даже смешно вспоминать.

Я обиделась.

– Се ля ви. В жизни надо понастойчивей быть. А сам-то был женат?

– Был, – почему-то пряча глаза, сказал Олег. – И года вместе не протянули, разошлись врагами. Правда теперь встре-

чаем, как ни в чем не бывало, даже дружим. Ну, да ладно, надо возвращаться к нашим баранам. То есть к опросу свидетелей. Ой, извини! – спохватился Ефимов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.